

Елена НАУМОВА

г. Киров

«... Да, такое короткое лето,
А любовь — от земли до небес».
(Е. Наумова, «Короткое лето»)

Сани вмещали в себя не менее трех человек. Внушительные, с круто загнутыми полозьями, они по сравнению с детскими — «магазинскими» — казались сказочными и производили впечатление даже на видавших виды пожилых людей, которые вечерами толпились возле ледяной горы, вспоминая свою молодость. Смастерил их прадед Коли и Ксении. Были времена, когда на этих санках возили в бочках и воду из колодца, и молоко в больших ведрах... Да мало ли чего нужно в деревне по хозяйству, где жил когда-то прадед Николая и Ксюши.

Звали умельца Егором, но свои, деревенские, называли его чаще всего Рукастым. А в деревне просто так не окрестят человека. Егор действительно был мастер на все руки: мог сделать все что угодно — от детской свистульки до пятистенной избы. Был он высок, белокур, широк в плечах. А его васильковые глаза «засушили» не одну девку на деревне. Был у Егора друг Иван, помощник во всех делах: один начинает, другой подхватывает. Так и жили они не разлей вода. Даже женились друзья в одно и то же время. Влюбился однажды Егор, да так, что не стал тянуть со свадьбой. Иван решил не отставать от друга — последовал его примеру. Так что отплясала деревня сразу две свадьбы. Неделю ходунном ходила. Только пожили друзья с молодыми женками с осени до весны. А там — война. Оба — два сапога пара — на фронт. Вскоре на Егора пришла похоронка, а Иван пропал без вести.

Историю эту рассказывал отец Коли и Ксении каждую зиму, когда шел в очередной раз в сарай за удивительными санями. Брат с сестрой знали ее наизусть, да и соседка Анюта, вечная их подружка, тоже представляла в лицах двух неразлучных друзей, соорудивших такую удивительную конструкцию, но каждый раз все слушали внимательно, не перебивая.

Впервые увидев такую сказочную махину на ледяной горке, сорванцы из соседних дворов сначала потешались над неразлучной троицей. Но когда поняли, что к чему, когда увидели, с какой скоростью несутся эти самые санки, то робко в очередь стали просить прокатиться хоть

От земли до небес

повесть

по разочку. Друзья не жадничали, с удовольствием делились неопишимым удовольствием.

Но пришло время, и горку сровняли — могучие КамАЗы превратили ее в обычную дорогу. Кататься по этой дороге теперь было небезопасно, да и такого куража, как раньше, уже никто не испытывал. Все-таки одно дело настоящая ледяная гора, по которой летишь со свистом в ушах, и совсем другое — обычная дорога с небольшим уклоном. Да и ребята подросли. Поменялись игры и развлечения. Чудесные сани были втиснуты в дальний угол сарая. Теперь зимой чаще всего бегали на каток, который каждую зиму заливали рабочие завода, где работали родители Коли и Ксени.

Лучше всех на коньках каталась Ксения. Они хоть и были с братом близняшками, но совсем не походили друг на друга. К тому же в восьмом классе Ксения переросла Колю на полголовы, за что тот ее прозвал дылдай. Успокаивало Колю то, что хоть Анюта ниже его. Та была маленькая, тихая, как ее мать-портниха, которая целыми днями принимала заказы на дому в своей однокомнатной квартирке.

Коля с Ксенией жили в трехкомнатной. Одна комната была родительская, другая, побольше — проходная, принадлежала Коле, чему в раннем детстве он был несказанно рад. Во-первых, комната самая большая, во-вторых, не скучно: сестра то и дело сновала туда-сюда из своей маленькой светелки, в-третьих, всегда можно было пригласить сколько угодно друзей. Но в девятом классе Николаю вдруг все это перестало нравиться. К Ксене зачастили девочки, в том числе и соседская Анюта. Теперь уже не побегаешь по комнате в трусах и майке. И вообще, сейчас он чувствовал себя, как в гостиничном номере, куда в любую минуту могла ворваться горничная. В последнее время Николай пристрастился читать и даже писать стихи, и уединение ему было просто необходимо.

— Ксень, давай поменяемся, — в который раз приставал он к сестре. — У меня места больше, окно с балкончиком... Телевизор! — сделал паузу, выкладывал он главный козырь.

— Телик — это хорошо, — томила его Ксения. — Правда, на кухне тоже есть, хоть и маленький. Да нет, пожалуй... — как бы колеблясь, качала головой сестра. Вот это напускное неуверенное

«пожалуй» больше всего задевало Николая. Если бы она сразу отрезала: — Ни за что! — было бы легче. А то «да не-ет, пожалуй».

— У, дылда! — злился Колька. — От кого тебе там закрываться? Посплетничать?

— А тебе от кого? Позатворничать? Стихи по-сочинять? — язвила сестра.

— Что вы все ссоритесь? — однажды за обедом не выдержала мать.

— Да это он в Анютку влюбился, — ехидно объяснила Ксения.

— Чего-о? — от такой неожиданной стервозности Николай даже покраснел.

Приходила Анюта, и Ксения с подружкой удалялись в девичью светелку, демонстративно щелкая замком. А Николай валился на диван, вытаскивал из-под подушки томик Есенина и тихо шевелил губами:

*Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут...*

Учились все трое в одном классе. Анюта училась ровно — хорошо. Брат с сестрой средне — ни хорошо, ни плохо. Правда, в последнее время Николай как-то резко повысил успеваемость по литературе, чем вызвал усмешки не только у сестры, но и у одноклассников.

В десятом классе к ним пришел новичок. Звали его Димой. Был он высоким, спортивным и столичным. Этот налет столичности проявлялся во всем: и в снисходительном отношении к учителям, которые, кстати, все прощали новому ученику, хотя бы потому, что все предметы он знал отменно, и в едва скрытой насмешке к новым одноклассникам. Все в новоприбывшем говорило о том, что он бесспорный лидер, все в нем было броским, выдающимся, особенно зубы. Взгляд любого невольно притягивала его широкая улыбка.

— Может, протезы? — в шутку сомневались ребята.

Но зубы были настоящие: крепкие, ровные, великолепные. К тому же рот Димы был устроен так, что его губы почти никогда плотно не закрывались. И все это яркое великолепие просто ослепляло собеседника. Ослепляло, но не восхищало, даже наоборот... Как-то раздражало. «Зубоскал!» — выстрелил кто-то мгновенно и в

точку. Прозвище прилипло намертво. Правда, называли его так только за спиной. Класс в основном разделился на завистников и подлиз. Дима же с превосходством поглядывал на ребят, не испытывая к ним никакого интереса. Но однажды, когда тихую Анюту вызвали к доске, его издевательская улыбка превратилась в легкую изумительную.

Внимательный Коля тотчас заметил эту перемену. Сердце его закочалось. А тревога подтвердилась. После уроков Дима в своей шикарной куртке с капюшоном, обшитым дорогим мехом, не поспешил домой, как обычно, а остался стоять возле раздевалки.

— Ну, скоро вы? — нарочито грубо крикнул Коля, обращаясь к сестре, а стало быть, и к ее неизменной подруге Анюте.

— Что случилось? Пожар? — буркнула Ксения, но, наткнувшись взглядом на широкую Димкину улыбку, замерла. Потом как-то растерянно посмотрела на подругу, неловко натянула пальтишко и, словно боясь разбиться о белый часток зуб, поспешно выскочила из раздевалки.

Николай, конечно же, все это опять заметил и... обрадовался. Как он и предполагал, на улице Дима увязался за неразлучной тройцей, хотя жил совсем в другом районе. Коля упрямо старался идти рядом с Анютой, которая в свою очередь схватила под руку его сестру. Так что улыбочивому провожатому пришлось пристраиваться со стороны Ксени.

«Так тебе!» — злорадно подумал Николай.

— А знаете, — нарушил молчание навязчивый провожатый, — под Москвой есть такая птицефабрика, где выращивают самых отменных кур. Раньше их даже доставляли прямо в Кремль.

— Ну и как? — спросил Коля.

— Что как? — снисходительно улыбнулся провожатый.

— Вкусные куры?

— А то! Не то что здесь — синенькие, дохленькие...

«Здесь» — всех как-то царापнуло.

— Ну и катился бы к своим кремлевским курам! — не выдержал Коля.

— Хватит тебе, — перебила брата Ксения. — А я бы с удовольствием попробовала хорошей курятины, — она попыталась заглянуть Диме в глаза. Но глаза его, как всегда, ничего не выражали.

Некоторое время шли молча.

— А пойдемте сегодня в кино, — покосившись на Анюту, не сдавался новенький.

— Пойдемте! — радостно воскликнула Ксения.

— Аня, а ты как? — обратился он к Анюте.

Аней Анюту еще никто никогда не называл, и девушка, смутившись, промолчала.

Николай фыркнул и отвернулся.

— Ее вообще-то Анютой зовут, — ревностно поджав губы, поправила новоявленного кавалера Ксения.

— Какая разница?.. — обнажил ровные зубы Дима.

— Большая, — возразила молчаливая Анюта, и все даже приостановились.

— Ну, ладно, — сдался новичок. — Не хотите в кино, пойдемте в какой-нибудь развлекательный клуб, что ли. Или ко мне...

— С чего это?! — взорвался Николай. — Нам и без тебя, и без твоих клубов неплохо живется.

— Ну и где же вы вечерами тусуетесь?

— В подъезде! — снова с вызовом ответил Николай. — Мы все в одном доме живем, в одном подъезде — чего нам куда-то бегать. Мы и так вместе.

— Ясно! — улыбнулся Дима. — Тогда придется мне как-нибудь к вам зайти, — и, развернувшись, зашагал в свою сторону.

— Ну зачем ты так, — заканючила Ксения. — Нормальный парень. Прикольный.

— Прико-о-ольный, — грубо передразнил брат, и они оба посмотрели на Анюту.

Та задумчиво промолчала.

Дима сдержал свое слово и однажды снежным вечером пришел в подъезд двухэтажного дома, где жили ребята.

— А вот и я. Как обещал, — широко улыбнулся незванный гость. Он стряхивал с себя снег, игриво поглядывал на изумленных ребят, всем своим видом показывая, что они еще не поняли, какое счастье им привалило.

Ребята молчали. Только влюбленная Ксения начала понемногу приходить в себя. Наконец она разулыбалась, подошла к «подарку судьбы», приглашая его на второй пролет этажа. — Проходи, садись. Здесь чисто.

Николай с Анютой не проронили ни слова. Вскоре наверху послышалась веселая возня. Но-

воявленный ухажер что-то рассказывал Ксене на ушко, отчего та начинала громко и заливисто хохотать. Больше всего это злило Николая — какая-никакая, а сестра. Он уже начал закипать, как включенный чайник, и после очередного взвизга сестры не выдержал, встал, тяжело ступая, преодолел первый пролет, второй, вырос перед раскрасневшейся парочкой (Ксения от удовольствия даже расстегнула пальто) и приказал на правах старшего брата.

— Вот что, сестренка, не пора ли нам домой. А то родители начнут беспокоиться...

— Да что ты! — вытирая слезы, выступившие от смеха, удивилась Ксения. — Время-то детское.

Дима, развалившись на ступеньках, как в мягком кресле, безмятежно улыбаясь, смотрел на грозного одноклассника.

— Я кому сказал! — голос у Николая от возмущения дрогнул, и, зная брата, Ксения поняла, что тот не шутит.

— О господи, — нехотя поднимаясь, проворчала она. — Время-то детское...

— Иди-иди, — подтолкнул ее брат. Протопап несколько ступенек и миновав площадку, брат с сестрой скрылись за дверью. И тут Николай сообразил, какую ошибку он совершил. Неисправимую ошибку — Анютка-то осталась наедине с этим любителем кремлевских кур. Мысли так и метались в его бедной голове. «Сиди бы эта Ксенька с ним, хихикай сколько влезет», — думал Коля, стягивая старенькую куртку и зло поглядывая на сестру, словно та была виновата во всех его страданиях. Он даже зажмурился, представив, что может происходить там, на лестничной клетке. Но в эту секунду входная дверь подъезда громко хлопнула. Брат с сестрой посмотрели друг на друга и замерли — не скрипнет ли соседская. Но в подъезде воцарилась тишина.

— Эх!.. — Николай сорвал с головы вязаную шапку и в сердцах хватил ею об пол. Шапочка мягко и бесшумно шлепнулась и совсем не раздрадила Колиной досады.

— Может, выйдем, догоним, — предложила Ксения.

— Дура она и в Африке дура, — с сожалением взглянул на нее Николай и направился на кухню, чувствуя, как зверски проголодался и что может сейчас съесть все и всех.

На улице стоял тот самый нежный снежный вечер, о каких в былые романтические вечера пели:

*Снег кружится, летает, лета-а-ет,
И, поземкою клубя,
Заметает зима, замета-а-ет
То, что было до тебя...*

— Красиво, — сказала Анюта, подставляя ладошку для белых бабочек-хлопьев.

— Николаша-Нидвораша, — проворчал Дима, зло стряхивая с себя надоедливые снежинки.

— Что? — не поняла Анюта.

— Лузер, говорю, беспортошный.

— Понятно, — кивнула Анюта. — Так и я, выходит, беспортошная: Анюта без уюта.

— Ты другое дело, — сверкнул зубами Дима.

— Вот выйдешь замуж за такого, как я, и будешь очень даже портошная и в уюте. Весь мир увидишь.

— А ты в Израиле был? — перебила его девушка.

Дима снисходительно хмыкнул:

— И в Израиле, и в Америке, и во Франции...

— Ну и как там, ничего? — тоже снисходительно улыбнулась девушка.

Дима понимал в улыбках, и эта, Анютина, его тотчас задела. Задело его и то, что она пропустила мимо ушей намек (хоть и шуточный) на замужество.

— Там? — прищурившись, посмотрел он на спутницу. — Там побывать надо. Например, подняться на Эйфелеву башню и своими глазами увидеть сверху весь Париж.

— Увидеть Париж и умереть... — Анюта внимательно посмотрела в Димины глаза.

— Зачем умирать? — впервые смутился невозмутимый юноша. — Еще полно всего другого интересного. К примеру, музей Сальвадора Дали. Там есть такая экспозиция — «Текущее время» называется. Я даже тайком ее сфотографировал. Да ты вообще-то знаешь ли, кто такой Сальвадор Дали? — в голосе рассказчика опять прозвучала насмешка.

— Слышала, — убедительно, без тени смущения кивнула Анюта.

Некоторое время под шорох снегопада они шли молча.

— Окончишь школу, куда пойдешь? — нарушила молчание девушка.

— Да уж, разумеется, не в ваш пединститут.

— А что так? — стараясь не обращать внимания на издевательскую интонацию Димы, удивилась Анюта. — У нас отличные знания дают и языкам хорошо учат.

— Чудо ты мое! — Дима приобнял Анюту за плечи. — Да я почти в совершенстве знаю английский и немецкий. Французский, правда, так себе. Вот напрягусь...

— А русский? — снова перебила его Анюта, любясь медленным полетом снежинок.

— Не понял? — Дима надвинул на голову капюшон, скрываясь от снегопада.

— Ну, русский язык, русскую литературу любишь?

— В смысле?

— Ну кого, например, из поэтов любишь?

— А-а... — кисло протянул Дима. — Я люблю все новое. Есть пара-тройка поэтов, но ты о них точно не слышала. Люблю перформанс. А старая литература отмирает. Шестидесятники как ни пыжились, но еще чуть-чуть, и их забудут.

— А у меня отец из тех самых шестидесятников. Поэт. Хорошие стихи писал.

— Да? — Дима от неожиданности даже остановился. — И что, много книг у него вышло?

— Ни одной. Но стихи остались. В школьных тетрадях... От руки записанные. Я читала. Очень талантливо.

— А кто-нибудь еще читал? — осторожно спросил Дима.

— Конечно. Моя мама читала, ее друзья...

— Н-ну, не знаю, — Дима действительно не знал, как отреагировать. Сказать Анюте, что, скорее всего, это бред собачий, графоманские потуги. Ведь если бы было что-то стоящее, то обязательно бы всплыло. Но, так сказать, значит разорвать с прелестной девушкой отношения навсегда, и Дима только покашливал, все глубже пряча голову в капюшон. Ему хотелось изменить тему, перейти на что-то современное, прикольное.

— Хочешь, я попытаюсь объяснить тебе, что такое перформанс?

— Попытайся, — улыбнулась Анюта. Она все еще была во власти нежных воспоминаний об отце.

— Представь, — наконец собрался он с мыс-

лями, — если мы сейчас абсолютно голые вот в этом сугробе на виду у всех начнем заниматься любовью...

— То ты тогда кое-что отморозишь. И я тоже, — расхохоталась Анюта, посмотрев на своего продрогшего спутника.

— Ну не хочешь представлять себя, — настойчиво пытался объяснить девушке Дима суть перформанса, — представь меня и Ксению...

— Ты что, чокнутый?! — Анюта остановилась. — Если уж тебе хочется заняться... этим, так почему именно в сугробе и прилюдно?

— Вот! — восторженно воскликнул Дима. — Тут собака-то и зарыта. Мы привыкли ставить цифры так: один, два, три, четыре, пять... А почему не два, пять, три, один...

— Зачем?

— Да затем, что так интересней.

— Но это же хаос. Так можно и алфавит весь перемешать.

— Можно! — торжественно воскликнул Дима. — И нужно!

— Ну ладно. Хватит. Я устала и хочу домой, — сказала Анюта.

— Постой, — схватил ее за руку Дима. — Здесь рядом есть прелестная кафешка. Маленькая, уютная. Пойдем — отдохнем, перекусим. Я зверски проголодался.

У Анюты заурчало в животе, и она сдалась.

Кафе действительно было маленьким — всего пять столиков. Мягкий свет и тихая музыка успокоили настороженную девушку. Они сняли верхнюю одежду, повесили на рогатую вешалку у входа и выбрали столик в углу.

За стойкой бара стоял молодой человек кавказской национальности. Увидев Диму, он радостно улыбнулся, закивал и протянул посетителям меню. Анюта пробежала глазами по заламинированным листочкам, и первое, что ей бросилось в глаза — «жюльен с грибами». Она ни разу в жизни не пробовала этого блюда, хотя грибов испробовала в самых разных вариациях. Но слово «жюльен» манило невероятно.

— Ну что, выбрала? — поторопил ее Дима. — Дай-ка теперь я гляну, — он бесцеремонно выхватил у девушки меню, быстро разобрался что к чему и начал заказывать:

– Мясо с овощами, салат с креветками, ну... и, пожалуй, жульен с грибами. И шампанского!

– А даме? – улыбнулся бармен (он же по совместительству официант), многозначительно глянув на Диму.

– Дама, а дама, что прикажете? – игриво подмигнул Дима, вытаскивая из тугого кошелька деньги.

– Н-нет, – замотала головой Анюта.

У бармена округлились глаза:

– Как нет? Совсем нет?

– Ну вот если только чаю, – она подумала, что на чай у нее точно хватит.

Официант пожал плечами и пошел выполнять заказ.

– Что, не проголодалась? А-а! Я понял! – Дима стукнул себя ладонью по лбу. – Фигуру бережем. Форму держим. Правильно! Сейчас форма – это все.

Вскоре на столе появилось шампанское, ароматное мясо, салат и вожделенный жульен в маленькой железной сковородочке. Перед Анютой возникла чашечка с ароматным чаем. Пробка лихо взлетела в потолок, и Дима залпом осушил пенящийся бокал. Анюта же для отвода глаз пригубила шампанское и уткнулась в свою чашку. Жульен стоял рядом с ней, и для голодной девушки это было нешуточным искушением – запах кружил голову. Она вытащила из маленького кармашка джинсовой куртки пятьдесят рублей, незаметно подсунула под блюдце и, с трудом улыбнувшись своему спутнику, встала из-за стола со словами: «Я сейчас...» Бармен зачем-то удалился на кухню, в маленьком зальчике никого не было, Дима сидел спиной к выходу, поглощенный чревоугодием, и Анюта, схватив пальто с рогатой вешалки, незаметно выскользнула за дверь.

Ворвавшись в свою квартиру, чуть успокоившись, она выдохнула:

– Мама, я есть хочу, умираю.

– О господи, – запричитала мать. – Так вот же суп овощной, сейчас подогрею, минтай вот с картошечкой поджарила...

– А я хочу жульен! – крикнула Анюта и расплакалась.

– Кого? – не поняла мать, но почувствовала, что дочь не на шутку расстроена.

Девушка ела, и слезы текли и капали в тарелку с остывающим супом.

– Мам, – повернулась она к испуганной матери, – а что, у отца ни одного, ни единого стишка не напечатали?

– Напечатали, – не вполне уверенно ответила пожилая женщина. – В школьной стенгазете постоянно печатали, в заводской многотиражке... Многие тогда его стихи от руки переписывали, – голос у нее становился все увереннее. – Мне он целую тетрадь посвятил. – Ее глаза уже блестели каким-то неведомым Анюте светом. – Он настоящий поэт. Поэтому и погиб так рано...

– Да верю я, верю, – подошла к матери Анюта.

– Так чего ж ты так ехидно спрашиваешь, а? А почему книги не вышли? Так не успел. У других, правда, много выходит. Но ведь не все то золото, дочка, что блестит.

– И что на виду, – добавила Анюта, прижавшись к матери.

В это время Николай с сестрой молча сидели на кухне. Проглотив на ужин колбасу с рожками, Николай ничуть не подобрел. Громко отхлебывая чай, он рисовал в своем воображении одну картину страшнее другой.

– Прекрати швыркать! – не выдержала Ксения.

– А ты бы помолчала. Зачем потащила за собой этого Зубоскала. Что, втюрилась?

– Ага, теперь я во всем виновата стала.

На кухню заглянула мать.

– Вы чего так расшумелись?

– А ничего, – вскочил из-за стола Николай. – Не буду я больше ходить в этой задрипанной курточке. С восьмого класса таскаю. Сейчас такие никто уже не носит.

– Иди! Зарабатывай! – на кухне появился отец в старой футболке советских времен и тренировочных штанах. – Мы с матерью из последних сил выбиваемся, на заводе вкальваем...

– За гроши, – вставила расстроенная мать. – Вас двоих тянем. Едва концы с концами сводим. Все молчали.

Ксене тоже хотелось сказать, что пальто у нее старое, немодное и хочется чего-то современного, но она промолчала. Поняла, из-за чего взбесился брат: у Димки-то куртка что надо, почти президентская...

Отец присел на табурет в угол маленькой кухоньки и обратился к сыну:

— Ты ведь летом работал у нас. Сам знаешь, как тяжело. Заработал на джинсы, на ботинки... Вот следующим летом — на куртку, даст бог.

— На та-ку-ю мне никогда не заработать! — Николай как ошпаренный выскочил из кухни.

— Что это с ним? — мать посмотрела на Ксению.

— Что-что, как будто не знаете. Димка, видите ли, для него как кость в горле.

— А-а, этот новенький, — хлопнул по коленкам отец. — Понятно. Папа — владелец заводов (в том числе и нашего), машин, пароходов... Он и школу-то вашу задал. Нашли с кем тягаться. Да ненадолго они тут. Сделают свои дела... Ну, год, ну, два. Только их и видали. Укатят в свои мегаполисы, а может, куда и подальше.

— Лучше бы куда подальше, — вернулся успокоившийся Николай. — Ладно, извините, погорячился я. Конечно, летом заработаю.

— Ну да, ну да, — понимающе кивнул отец.

Анюта была старше своих друзей почти на целый год, потому что пошла из-за болезни в школу не в семь лет, как все остальные, а в восемь. Свой день рождения она обожала. Мама непременно шила к этому февральскому дню какую-нибудь симпатичную обновку. А длинными зимними вечерами они лепили пельмени. Магазиновых не признавали. Вначале на рынке покупалось отменное мясо (телятина со свиной), потом раскатывалось тесто. Фарш с различными добавками, типа лука и чеснока, был до того вкусен, что Анютка с детства то и дело таскала маленькие аппетитные колобашки. Мать сердилась: «Мне не жалко. Но, не дай бог, подцепишь какую-нибудь бациллу».

Приходили помогать лепить пельмени Ксения со своей мамой. Мужчины считали это занятие ниже своего достоинства. Но скорей всего просто не умели, боялись опростоволоситься. Потому что у этой спетой женской команды получалось все на загляденье быстро и красиво. Обязательно делались сюрпризы: в некоторые пельмени клали колобок из картошки или капусты — к урожаю. А вот если лук — жди неприятностей. Счастливчикам — изюм: тут и объяснять нечего. Ксения с Анюткой не раз пытались, откуда их матери взяли такие причу-

ды. Но те только смеялись, пожимали плечами, мол, так уж повелось от наших дедов-прадедов. Все пельмени, естественно, не входили в морозилку холодильника, и целый мешок уносили в сарай в старинный ларь, кованный железом, чтобы грызуны не съели все это добро. Туда же ставили легкое вино, настоящее на ягодах смородины или брусники. К празднику извлекались соленья и маринады, заготовленные с лета. А середину стола украшал пирог с маленькими свечками. Количество их соответствовало возрасту именинницы.

— Доча! — воскликнула тихая портниха, увидев выросшую в дверях красавицу.

— Ну, как прическа? — слегка робея, замерла на пороге Анюта.

— Ой, совсем взрослая! А это вот тебе... От меня, — мать открыла дверцы платяного шкафа, и бирюзовое платье, покачиваясь на плечиках, поплыло навстречу новорожденной.

— Мамочка, — только и выдохнула Анюта, — когда же ты успела?

— Успела. Все ловила момент, когда тебя дома не было...

— Я надена? — Анюта вопросительно посмотрела на мать, боясь прикоснуться к такой красоте.

— Конечно. Надень, — сдерживая слезы, кивнула мать. — Скоро гости придут.

Платье сидело как влитое. Длинное, струясь, оно подчеркивало стройную Анютину фигурку. Вырез был смелый, и на шею просились либо бусы, либо медальончик.

— Вот тебе серебряный крестик с цепочкой. В церковь специально сходила, чтобы освятить.

Анюта сглотнула комоч, подступивший к горлу:

— Мамочка, спасибо, родная...

— Ну вот, — произнесла взволнованная мать, — а теперь посмотри на себя в зеркало.

Анюта посмотрела и замерла перед изображением, чем-то отдаленно напоминающим ее прежнюю.

— Вот это да! — прошептала она, то отступая, то приближаясь к старинному трельяжу.

Прохаживаясь по небольшой комнатке, счастливая Анюта повторяла: «Вот это да!»

— Конечно, — кивнула растроганная мать, —

настоящая невеста. Колька-то, небось, весь извелся, дожидаясь назначенного часа.

– Да ну тебя, мама, он же маленький.

– Не ниже тебя. Это Ксюха вымахала с версту.

– Мам, почему они близнецы, а не похожи?

– Потому что не однойцевые. Колька на несколько минут раньше Ксеньки выскочил. Ой! – посмотрев на часы, засуетилась мать, – я пошла пельмени запускать.

– Я помогу, – цокая каблукками новых туфель, откликнулась Анюта.

– Нет, что ты, сейчас придут Мария с Васей – помогут.

В дверь для порядка постучали, и на пороге появились родители Коли и Ксени.

– Ох ты! – воскликнула тетя Маша, увидев виновницу торжества. – Красавица! Невеста!

– Невеста-невеста, – выглядывая из кухни, многозначительно подтвердила Анютина мать. – А жених-то где?

– Собирается-наряжается... Вот тебе, Анюточка, от меня, – тетя Маша протянула имениннице веселые прихватки и кухонное полотенце. – Как будущей хозяйке, – тоже многозначительно добавила она, расцеловав Анюту.

– Василий, ты где застрял?

– Сейчас-сейчас, – сосед сосредоточенно втаскивал новенькую аккуратную вешалку.

– Это вам, – обращаясь больше к Анютиной матери, кивнул он на свое изобретение.

– Ага, – закивала тетя Маша. – Сам, своими руками. Вешалка-то у вас в прихожей совсем старенькая, того и гляди рассыплется.

– Спасибо, дядь Вась, – Анюта чмокнула соседа в гладко выбритую щеку.

– А я ее прямо сейчас и повешу, а старую вынесу в сарай.

Мужчина вытащил старую вешалку, сходил за нужными инструментами, и через несколько минут пальто, шарфы и шапки красовались на новенькой – еще пахнущей свежим деревом.

Николай волновался больше всех. Уже ушли родители, уже капризная Ксения была готова, облачившись в новую розовую кофточку и фирменную короткую юбку. От нетерпения она то и дело тормозила брата:

– Ну, скоро ты?! Или я одна пошла.

– Нет-нет, – в страхе умолял ее Николай. – Вот, помоги, что-то галстук... никак.

– Коль, на фига тебе галстук. Ты же на день-рождение идешь, а не на прием к министру.

Но Николай непременно хотел появиться в новом костюме с галстуком, который он целую неделю бегал, высматривал. И вот, как ему показалось, нашел то, что надо.

Ксения, поджав губы, старательно пыталась завязать проклятый узел, но опыта у нее тоже не было.

– Сходи за отцом! – в отчаянии попросил Коля.

Сестра молча, выражая недовольство тяжелым вздохом, повиновалась.

Отец, посмеявшись про себя, быстро справился с этой проблемой, и вспотевший Николай посмотрел на себя в зеркало. Ужас! Оттуда на него испуганно таращился какой-то взлохмаченный тип. Николай лихорадочно начал расчесывать непокорные вихры, побежал в ванную, сунул голову под кран...

– Все! – не выдержала Ксения. – Я пошла. Придешь один – не маленький.

И Коля остался один на один со своим измученным изображением в зеркале.

Ксения без церемоний ворвалась в маленькую соседнюю квартирку, сунула подруге мягкую мяукающую игрушку, открытку с сердечком и закружилась вокруг именинницы.

– Анюта! Поздравляю! Выглядишь – полный отпад! Класс! Супер!

– А где Коля?

– Да идет он, идет...

Ксению так и подмывало рассказать, как брат намаялся с галстуком, а сейчас мучается над своей прической, но она промолчала, пожалела, все-таки брат.

– Ладно, – объявила Анютина мама. – Все за стол, семеро одного не ждут. Сейчас принесу пельмени.

– Постой, Ниночка, я с тобой, – кинулась помогать соседке тетя Маша.

Когда, наконец, все в радостном предчувствии расселись за праздничным столом, над которым уже вился ароматный парок от пельменей, на пороге появился Николай. Под мышкой он держал тяжелую книгу, в правой руке – красную гвоздичку, укутанную в красивый целлофан. Взглянув на виновницу торжества, он как ошпаренный опустил глаза, да так

и не осмелился поднять. Под всеобщее молчание он протянул Анюте подарки.

— Это вот Пушкин... Почти весь.

— Ого, — приняла необычный подарок Аня.

— И вот, — он, не глядя, протянул цветок.

— Спасибо, Коля, — Аня тоже слегка смутилась, но все же чмокнула друга детства в щеку.

— Ну, все, кажется, в сборе, — облегченно вздохнула Анянина мама. — Василий, зажигай свечи.

Сосед ловко зажег семнадцать свечек. Мама Нина взяла пирог, торжественно подошла к дочери, а Ксения запела: «Хэпи бездей, ту-ю...»

Именинница набрала полные легкие воздуха. Дуть ей пришлось несколько раз.

— Все-таки не пять лет... — оправдывалась она.

А ловкий Василий уже наполнял рюмочки домашним вином, себе, однако, плеснув сорокаградусной, и все встали.

Пожелав новорожденной всего-всего-всего, гости чокнулись, выпили за ее здоровье и приступили к остывающим пельменям.

— Вот сколько ни ем я Нинкиных пельменей, — заметил Василий, — и все как в первый раз, такая вкуснятина.

Тетя Маша крикнула, почуяв укол в свой адрес, но промолчала.

Коля сидел рядом с Аней и страдал. А страдал он оттого, что Аня на своих высоких каблучках оказалась чуть выше его. В сидячем положении это было, конечно, незаметно.

«А как танцевать? Эх, дурень, — ругал себя Николай. — Заторопился, прибежал в домашних тапочках. Надо было ботинки новые надеть. Все-таки чуть повыше...»

Его страдания прервал звонок в дверь. За столом переглянулись. Было совершенно ясно, что звонит кто-то чужой.

— Кто это? — догадавшись, воскликнула Аня.

— Я сейчас, — встала на правах хозяйки Анянина мама и, на всякий случай глянув на себя в зеркало, торопливо пошла к двери.

— Димо-о-о-н?! — радостно воскликнула Ксения. Прихожая была крохотная, и из комнаты было отлично видно, кто вошел.

В квартире воцарилась тревожная тишина. Все посмотрели на Аню.

Дима стоял торжественный и современно подстриженный. На нем было длинное стиль-

ное пальто, повязанное поверх воротника красным шарфом, а в руках — большой, просто огромный букет бордовых роз.

Аня поднялась из-за стола и медленно проплыла мимо стола навстречу гостю.

— Здравствуй! — произнес он, сверкнув ослепительной улыбкой. — С днем рождения тебя! — и протянул розы.

— С-спасибо, — растерялась Аня.

На помощь пришла мама. Принимая из рук дочери цветы, она обратилась к гостю: — Вы раз-девайтесь, проходите к столу.

Дима послушно снял шарф и пальто, все аккуратно повесил на новенькую вешалку, и все снова замерли. Юноша был в черных брюках, в черном фраке, в безупречной белой рубашке с белой бабочкой.

— Ой, — выдохнула тетя Нина, — а розы-то куда? Их так много...

— В вазу, — вошедший, словно фокусник, распахнул входную дверь, за которой красовалась напольная ваза.

У Ксении едва слезы не брызнули из глаз — «почему не мне?..»

Тетя Маша поспешила помочь соседке:

— Пойдем, Ниночка... — и женщины скрылись в ванной наполнять сосуд водой.

Наконец цветы были опущены в волшебную амфору, водружены в красный угол комнаты и то и дело притягивали взгляды гостей.

— Это Дима, — тихо произнесла Аня, — наш одноклассник.

— Ну да, — как-то странно кивнул Василий, наполняя свою рюмку водкой. — Садись, одноклассник, будем праздновать, — добавил он, внимательно разглядывая неожиданного гостя.

Тетя Нина принесла из кухни еще один стул, усадила гостя рядом с дочерью. С другой стороны сидел красный как рак Николай.

Когда и перед Димой появилась тарелка с закуской, с пельменями и рюмка смородиновой, он повернул голову к Аняной маме и снова, как фокусник, выгасил откуда-то из внутреннего кармана изумрудный шелковый шарфик.

— А это вам!

Тетя Нина опять только ойкнула, даже не сказав спасибо.

— А теперь, — Дима непринужденно поднял наполненную рюмку, — можно тост?

– Валяй, – разрешил Василий, осторожно приподняв наполненную до краев рюмку водки.

Дима говорил обычные, даже банальные слова, те, которые произносят в таких случаях. Но говорил хорошо поставленным голосом, поэтому слова звучали убедительно, даже пронзительно. Анюта, не решаясь повернуть головы, краем глаза следила за ним. Она видела, как он встал, как в нужном месте обратился к ней, затем к ее маме, к гостям. Девушке казалось, что это другой, незнакомый ей человек, совсем не тот, который в кафе жадно поглощал еду, не обращая ни на кого внимания... Сейчас это был не Димон, и даже не Дима, а скорее Дмитрий – весь внимание, уважение и этикет. Анюта даже поежилась. Ей хотелось плотно прижаться к соседскому Коле, который вспотевшей рукой мял в кармане пиджака тетрадный листочек с очередным стихотворением, посвященным подруге.

Закончив речь, гость, элегантно поклонившись, выпил настойку и присел на край стула. Анюта видела, как он взял вилку, как аккуратно проткнул пельмень, как бесшумно начал жевать, выражая удивление. Затем нерешительно подцепил второй пельмень, попробовал и, не выдержав, воскликнул:

– Впервые ем такие уникальные пельмени!

– Вкусно? – обрадовалась Анютина мама.

– Очень. И начинка оригинальная. Сначала, по-моему, с картошкой. А этот вот, – он кивнул на слегка надкушенный пельмень, – с луком.

Напряжение за столом спало. Все, кроме Николая, засмеялись, заговорили, перебивая друг друга. Лучшего момента не было, чтоб откланяться. И молодой человек промокнул губы салфеткой.

– Проводи меня, – шепнул он на ухо Анюте.

Та поднялась из-за стола и на ватных ногах, словно загипнотизированная, направилась за гостем.

– Я приду вечером. Выйдешь?

– Не знаю. Наверно. Мы все вечером выйдем... – не чувствуя своего голоса, ответила девушка.

Прощавшись с гостями, Дима скрылся за дверью.

– Это и есть ваш новичок? – спросил Василий, обращаясь к сыну.

– А что, не понравился! – взвилась Ксения.

Ее раздирали два чувства – восхищение и ревность. Первое взяло верх.

– Видали, какой он есть!

– Есть, да не про твою честь, – буркнула Ксения мать.

– А про чью? – Ксения в упор посмотрела на именинницу.

– Да уж и не про мою тем более, – понемногу приходя в себя, ответила подруга. Пельмень с изюмом достался ей, но она промолчала, не желая огорчать своих друзей.

– А что это мы не танцуем, – весело воскликнула Анюта. – Николай, включай музыку, и я тебя приглашаю.

Николай с серьезным видом, пытаясь скрыть чувство ликования, включил свою любимую Земфиру.

Поздно вечером, наевшись, напившись и наплясавшись, неразлучная тройка стала собираться на улицу.

– Пусть идут, – одобрил Василий. – Далеко не убегут. Посидят на лестничной клетке, как обычно, – это у них что-то вроде клуба. А мы давайте споем нашу, задушевную.

Анюта с сожалением вошла в ванную, стянула с себя свое шикарное платье, сняла новые туфельки, облачилась в обычные джинсы и тотчас почувствовала себя Золушкой, вернувшейся с бала.

– Неужели придет? – слегка волнуясь, подумала она.

Наконец все вывалились на лестничную клетку, решили прогуляться, подышать свежим воздухом.

Во дворе стоял Дима. Он был в своей прежней куртке, в джинсах, в высоких зимних ботинках... Словом, будто и не было принца с розами и во фраке.

– Я вас уже устал ждать, – резко улыбнувшись, парень пошел навстречу ребятам.

– А чего это вдруг? – набычился Николай.

– А погулять хочется, правда, Ксень? – Дима подхватил опешившую от такой неожиданности девушку, и брату ничего не оставалось, как осторожно взять под руку Анюту.

На этот раз он решил: «Черт с ним, пусть гуляет с Ксенькой. Не повторять же ошибку – себе дороже».

Дима сыпал, как всегда, анекдотами. Ксения хотела во все горло, Анюта прыскала время от времени, Николай же только сдержанно хмыкал в самых смешных местах. Так они неторопливо дошли до стадиона, повернули обратно и только вошли во двор, как прямо на них, вернее на Диму, налетел пьяный мужичок.

— Ах ты, лузер вонючий, — с какой-то зверской ненавистью размахнулся парень и ударил что было силы едва стоящего на ногах пьяницу. Тот упал как подкошенный, а шапка с его головы отлетела на несколько метров.

— Ты что, гад, спятил! — подскочил к нему Николай.

— Отвянь. Ненавижу пьянотов. У-у, сволочи, — и он больно пнул лишившегося чувств человека в бок.

— Ну, Димочка, ну, не надо, — взмолилась Ксения, повиснув у него на руке.

— А ну-ка прекрати! — резко приказала Анюта, и все, не ожидая такой реакции от тихой незаметной девушки, удивленно посмотрели на нее.

— Он же замерзнет. Где шапка-то? — приговаривала Ксения, склонившись над лежащим. — Надо его как-то домой отвезти.

— Ага, — кивнул Дима, — сейчас возьмем на ручки и понесем.

Не обращая на него внимания, Анюта тоже склонилась над стонущим мужичком.

— Послушайте, где вы живете? Где вы живете? — трясла она его за плечо.

Пьяный едва разлепил веки и непослушным ртом еле слышно произнес:

— На Полянке.

— У него уже белка, — издевательски захохотал Дима.

— Заткнись ты. Здесь рядом за городом деревня такая есть — Полянки называется, — крикнул Николай.

— Послушайте, а дом какой? — снова затрясла его Анюта.

Мужчина, собрав последние силы, выдохнул:

— Пятнадцать...

— Ни фиги, — присвистнула Ксения. — Это ж на самом конце деревни. Отсюда километров десять, если не больше.

— Сани! — сообразил Николай. — Давайте его в саних и докатим! Ну, каких-то полчаса, ну час... Ну, замерзнет же человек!

Подруги переглянулись — дело говорит. Николай, не теряя времени, побежал за ключами от сарая. Анюта пыталась найти шапку несчастного, но заснеженный двор был неровный, изборожденный глубокими следами от машин, и ей никак не удавалось отыскать пропажу.

Николай чуть ли не кубарем скатился со второго этажа, вылетел на улицу, схватил Анюту за руку, и они побежали к сараю. Распахнув дверь, оба остановились. В сарае было темно, лишь фонарь на далеком бетонном столбе слегка освещал вход.

— Я боюсь, — отступила Анюта, — там мыши.

— Пошли, — решительно сказал Николай и первым шагнул в темноту.

Сани стояли в самом дальнем углу. Ребята отчаянно перешагивали через старые вещи, гремели цинковыми ведрами, чуть не свалились в чугунную ванну, пока наконец не добрались до кованого ларя. Тут от порыва ветра дверь сарая захлопнулась.

Николай схватил подругу за руку, и она вдруг почувствовала, как дрожит его рука. Волнение начало передаваться и ей.

— Подожди, — сказал он. — У меня есть зажигалка, — и чиркнул несколько раз колесиком. Слабое пламя осветило внутренность сарая. До заветных саней было уже совсем близко.

— Пошли, — заторопилась Анюта, чувствуя, что сейчас что-то должно произойти.

— Подожди, — снова прошептал Николай. Они стояли вплотную друг к другу. Огонек зажигалки, ласково мигнув, потух. Николай облизнул свои пересохшие губы и нерешительно ткнулся в Анютину щеку. Она молчала, только слышала, как колотится его сердце.

— Я хочу тебе сказать... — горячо зашептал Коля.

Анюта обхватила его за шею и первая поцеловала в губы: страстно, крепко, уверенно. Николай от неожиданности замер. Он только тяжело дышал, не зная, куда деть свои руки.

— Я тебя очень, понимаешь... Очень...

— Я знаю, — Анюта снова приблизила лицо к его пылающим губам, и тут он стал лихорадочно целовать ее в нос, в щеки, в губы...

Девушка прислушалась к себе, она ждала, что ее сердце заколотится часто и больно, что ей делается так же сладко и страшно, но ничего, кро-

ме материнской нежности, она не испытывала. Анята гладила Колю по щекам, по голове, как маленького, словно пытаюсь утешить.

— А ты? А ты?! — в отчаянии шептал он, робко прикасаясь к ее губам.

— Молчи, — Анята снова впиалась в его губы. — Ты хороший, ты самый лучший.

— А ты?! — почти выкрикнул Николай, не чувствуя ответа на свой порыв.

— Дай зажигалку, — отстранившись, сказала она.

Он, порывшись в кармане куртки, дрожащей рукой выудил старенькую зажигалку.

Анята щелкнула раз, второй. Тусклый цветочек огонька расцвел и тут же потух, но Анята уже подталкивала Николая в нужную сторону.

— Иди. Человек замерзает.

Медленно возвращаясь в действительность, Николай вспомнил, зачем они пришли сюда — в этот темный сарай, и, на ощупь добравшись до угла, пыхтя и крикая, вытащил сани.

— Да где же эта проклятая шапка? — терзалась Ксения.

— Зачем ему шапка? — зловеще улыбнулся Дима. — Знаешь, как пьяных в чувство приводят?

Ксения молчала, предчувствуя недоброе.

— В вырезвителе, например, их ледяной водой обливают. То есть холодом приводят в чувство. Вот... Мы... Его... Сейчас... И приведем, — подтаскивая мужика к колее от машинного следа, приговаривал Дима. Притащив, подтолкнул ногой. Тот скатился туда лицом вниз, и Дима начал его закидывать снегом с обеих сторон.

— Ты что? — в ужасе подскочила к нему Ксения.

— Заткнись, — грубо оборвал ее Дима, резко поднимаясь и оглядываясь вокруг. — Ага, вот что надо, — он подскочил к единственному дереву, стоящему во дворе, сломал ветку, напоминающую крест.

— Куда ставят? — с диким блеском посмотрел он на Ксению. — В ноги? В голову? В ноги, кажется... — и воткнул ветку в снег. — Чем не перформанс!

Анята торопливо пробиралась к выходу, то и дело щелкая гаснущей зажигалкой. Николай с санями следовал за ней. Наконец, выбравшись из темноты, они молча направились во двор.

— Что это? — похолодела от ужаса Анята, увидев снежный холмик с веточкой-крестом.

— Да пусть остынет немножко. Ему же лучше будет, — как можно равнодушнее отмахнулся Дима. Но было видно, что он до крайности возбужден.

— Ах ты гадина! — кинулся на него Николай.

— Ты чего? — оскалился тот с высоты своего роста.

— Коль, иди помогай, — крикнула Ксения. Девушки уже откопали мужичка. Теперь его нужно было вытащить из колеи и погрузить в сани.

— Помогай, — тихо, но внушительно сказала Анята, глядя Диме в глаза, и он не посмел ослушаться.

— Вот она, шапка! — обрадовалась Ксения, обнаружив пропажу, и хотела тут же покрыть ею запорошенную голову мужчины.

— Постой, — Анята сняла рукавицы и начала тереть снегом уши потерпевшего, отчего тот мучительно застонал.

— Ну вот, живой. Чего с ним сделается? — прокомментировал Дима.

— Снимай шарф, — снова тихо произнесла Анята.

— Еще чего! — попятился парень. Но все, даже Ксения, посмотрели на него с такой ненавистью...

— Да ладно, возьмите, не жалко. У меня таких...

Анята взяла шерстяной длинный шарф, замотала бедолаге шею и голову, вытряхнула из шапки снег и плотно натянула ее на голову измученного мужичка. Затем поднялась с колен, посмотрела на парней и едва слышно приказала: — А теперь — бегом!

Непримиримые враги бежали рысью в одной упряжке. Девушки едва поспевали за ними. Сани легко скользили по накатанной дороге. Через некоторое время Николай почувствовал всеми фибрами, с кем бежит плечом к плечу.

— Ну и гад же ты! — задыхаясь от возмущения, шипел он.

— Сам ты гад! Лузер паршивый.

— Чего-о! — Николай резко затормозил.

— Чего слышал.

Они снова, как два петуха, стояли друг против друга, готовые к схватке.

— Да вы что! — не выдержала Ксения. — С ума сошли?!

— Ну, гад, погоди, — впрягаясь в толстую веревку, выдохнул Николай.

Так, перестреливаясь обидными словами, они домчались до окраины городка. Теперь было сложнее. Изрытая машинами дорога шла вверх. Стало не до разборок. Парни тянули сани, выбиваясь из сил. Девушки сзади подталкивали.

Наконец дорога выровнялась, показался первый дом. Теперь шли медленно, поглядывая на деревянные избы.

— Резервация, — зло заметил Дима.

— Сам ты резервация, — Николай дернул веревку.

— Вот он! Вот — последний дом, пятнадцатый, — перебила перепалку парней Ксения.

У калитки все в нерешительности остановились. Свет в окнах не горел, но было видно, что в доме включен телевизор.

— Пошли, — решительно распахнула калитку Аня, и ребята втащили сани во двор. — Давайте поднимайте его.

Николай с Димой, крихтя, приподняли мужика, который, похоже, начал очухиваться и уже сам кое-как мог переставлять ноги.

— Дома-то жена, небось, заждалась, — участливо сказал Николай.

Мужичок отрицательно помотал головой.

— Кто с таким пьянотом жить будет?.. — снова зло подытожил Дима.

Когда втащили мужчину на крыльцо, Аня толкнула входную дверь. Слегка скрипнув, дверь подалась. Миновав сени, они наткнулись на следующую дверь. Теперь Ксения толкнула ее: — Заперто!

— На себя потяни, — тяжело дыша, объяснил брат.

Дверь распахнулась, и, преодолев высокий порог, они ввалились в жарко натопленную избу, освещенную светом телевизора.

Аня нашарила выключатель.

Вспыхнул свет, и на минуту незваные гости застыли в изумлении. Над потолком кружились красивые, вырезанные из дерева птицы. Они, как живые, кружились на тонких нитях, и казалось, что птицы порхают по комнате.

— Умелец, — презрительно буркнул Дима и облегченно вздохнул, опустив мужчину на диван.

— Нужно раздеть, — присела Аня на край дивана и начала стаскивать с бедняги куртку. Ксения сняла сапоги.

Дима выразительно хмыкнул, осматривая комнату. Он обошел ее всю, затем открыл тумбочку, пошарил в бумагах. Пока ребята раздевали и укладывали потерпевшего, Дима обшарил все. Зачем-то даже приподнял телевизор. И вдруг, вернувшись к дивану, повеселел.

— Ну все, уходим.

Аня молча бросила ему шарф.

— О, нет, пардон, пусть останется на память.

И тут занавеска на печке дрогнула. Ребята замерли. В следующую минуту яркий рыжий кот прыгнул на пол, подошел к хозяину и, не обращая на проходивцев внимания, громко и сочувственно мяукнул.

Мужичок устало засопел, словно почувствовал, что дома.

Все вышли на улицу.

— Девочки, прошу в карету! Сейчас мы вас домчим с ветерком. Правда, Николаша? — радостно подмигнул Дима.

Девушки переглянулись — что это с ним? Такая разительная перемена в настроении... Но им ничего не оставалось, как залезть в сани и под горочку мчаться с чувством исполненного долга.

Прикатив в город, ребята решили, что до дома все-таки лучше добираться на транспорте. Кое-как втащив сани в автобус, они нарвались на сердитую кондукторшу, которая ни в какую не хотела пускать в транспорт подозрительную компанию.

Тут Дима показал себя во всем блеске. Молодой человек улыбнулся своей неотразимой улыбкой, и совсем еще не старая женщина сдала позиции. А когда улыбчивый красавец прошептал ей что-то на ухо, прыснула от смеха, махнула рукой, закрыв на беспорядок глаза. Все четверо благополучно доехали до своей остановки.

Заперев сани в сарае, усталые путешественники зашли в свою резиденцию. Аня, Ксения и Николай устроились на нижних ступеньках первого этажа. Спортивный Дима остался стоять, привалившись к стене.

— Аня, не осталось у тебя там настоечки? — бодро спросил предприимчивый ухажер.

— А правда! — впервые поддержал соперника Николай.

Ксения тоже кивнула, мол, после такой встряски не грех.

Анюта поднялась в свою квартиру и вскоре вернулась с початой бутылкой смородиновой настойки.

Николай вытащил из кармана пачку дешевых сигарет.

— И мне, — попросил Дима.

— Ну что, мир? — сделав несколько глотков, он протянул Николаю руку.

В эту минуту все услышали, как во двор въехала машина. И почти тут же хлопнула уличная дверь, а за ней распахнулась вторая.

На пороге появился широкоплечий парень лет двадцати трех с обветренным лицом. Скрестив ноги по-турецки, он сидел на деревянной дощечке с колесиками. Парень был в длинном сером свитере, очень напоминающем кольчугу, в руках у него были маленькие лыжные палки, острые, как копья. Одну из них он с силой воткнул в деревянный пол, и дверь с тугой пружиной оказалась подпертой. Все тотчас разглядели, что у парня нет ног ниже щиколотки, потому что кожаные штаны на обеих ногах были туго затянуты шнурками. На коленях у него лежал Димкин шарф. Ребята во все глаза смотрели на ворвавшегося.

Обведя всех ненавидящим взглядом, тот наконец остановился на Диме и, тяжело дыша, бросил ему под ноги шарф:

— Отдай деньги, скотина!

— Какие деньги? — попытался усмехнуться Дима, но все почувствовали, как он весь сжимается от страха.

— Гони, гаденыш, пятихатку, — парень вырвал из пола маленькую лыжную палку, и все убедились, какой опасный у нее наконечник.

— Верни деньги, — вдруг, поднимаясь со ступенек, сказала Анюта, — я все видела.

— А мы что, рикши?! — понимая, что записаться бесполезно, заерничал Дима. — Знаешь, сколько бы на такси взяли за твоего пьяного папашу?!

Все уже гадались, что на печке за занавеской скрывался не только рыжий кот.

— Знаю! — кивнул парень, придерживая здоровенным плечом дверь. Он вытащил из заднего кармана кожаных штанов сто рублей и бросил под ноги Димке.

Тот все так и стоял с мятой розовой купюрой в руке, не решаясь приблизиться к разгневанному рыцарю (парень очень походил на героя из сказки) с маленьким, но острым, как дротик, копьем. Все замерли. Наконец не выдержала Ксения — встала и, не глядя ни на кого, передала деньги.

— Ворюга! — с ненавистью сплюнул парень и, резко оттолкнувшись палками, отъехал от порога. Дверь оглушительно хлопнула. Вторая, уличная, захлопнулась так, словно взорвалась.

На лестничную клетку выскочила заспанная тетя Маша:

— Вы чего это шумите? — испугалась она. — А накурили-то, накурили... Ну-ка марш по домам!

Ксения, Коля и Анюта, не оглядываясь, торопливо поднялись на второй этаж, оставив Диму с недопитой бутылкой и дешевой сигаретой.

Постояв с минуту в подъезде, он вышел на улицу. Вдалеке маячила маленькая машина. «Инвалидка с ручным управлением», — догадался Дима. На душе у него было так скверно, так отвратительно, что он размахнулся и изо всех сил метнул бутылку в фонарный столб...

На следующий день соседка с первого этажа усердно расспрашивала жильцов подъезда, не потерял ли кто красный мужской шарф. Жильцы пожимали плечами. Ксения с Николаем, отправляясь в школу, пряча глаза, пробурчали, что ничего не знают. Анюта резонно заметила:

— Мало ли кто может забрести в подъезд?..

— А я и говорю, давно надо поставить кодовый замок, — обрадовалась соседка и забрала себе никем не востребованную находку.

В школе ребята старались не замечать бывшего приятеля. Он и сам понимал, что окончательно разрушил отношения с только что обретенными друзьями. На уроках он тоскливо смотрел на Анютин затылок, вернее на светлые волосы, забранные в трогательный хвостик, поскольку сидел прямо за ее спиной, но заговорить с девушкой не решался. В подъезде, где жили ребята, он больше не появлялся.

Разладились отношения и у Николая с Анютой. После жаркого объяснения в сарае и последующих событий Анюта словно избегала соседа. Ходила взволнованная, задумчивая и даже к подруге Ксене заглядывала крайне редко. Николай не пытался выяснять с ней отношения. С детства зная Анютин характер — тихий,

но нестигаемый, он понимал, что это бесполезно.

У всех остался горький осадок после того деньрожденъческого вечера.

Закончился учебный год. Николай с сестрой пошли, как всегда, работать на завод. Донесся слух, что Дима укатил отдыхать то ли на Кипр, то ли на Мальту. А Анюта решила устроиться на почту разносчицей газет.

— Письма-то теперь пишут редко, так что сумка не так тяжела, — одобрительно объясняла ей пожилая заведующая почтовым отделением. — Только вот участок у тебя не очень.

Анюта вопросительно посмотрела на женщину.

— Улица Пригородная еще ничего — в черте города. А дальше, — вздохнула она, — деревня Полянки.

У Анюты громко забилося сердце.

— Я согласна, — поспешно закивала она.

— Вот и хорошо, — снова обрадовалась женщина. — Не так уж это и далеко. А если погода хорошая — вместо прогулки. Ну а если уж дождь, сапожки наденешь...

Анюта, не слушая, кивала, и такая радость светилась в ее глазах, словно она выиграла бесплатную путевку в Турцию.

Работа оказалась действительно несложной. Первые дни лета стояли ясные, теплые, и, выходя за город, девушка с замиранием сердца шагала по знакомой, прогретой солнцем улице.

— Ты до конца-то Полянок не бегай. Отдай все в первой избе, а там они сами разберутся, что кому, — советовала добрая начальница.

Но девушка добросовестно опускала газеты и лицевые счета в каждый почтовый ящик. И особенно волновалась, подходя к последнему дому, куда она, помимо счетов, приносила журнал «Лозоплетение». Каждый раз, прежде чем опустить корреспонденцию в ящик, девушка с интересом рассматривала неведомое ей до сих пор издание, кое-что даже читала, присев на лавочку возле калитки.

Иногда, добравшись до крайнего дома, она долго стояла, вглядываясь в зашторенные окна избы. Разглядывала двор, маленькую машину. Любовалась, как прямо за домом течет речка, а лес — совсем рядом. А однажды увидела, что сарай, который находился в дальнем

углу двора, распахнут и в глубине его небольшими горками лежат ивовые прутья, а прямо у порога стоит плетеное кресло.

— Эй, Егор! — рослый мосластый парень ввалился в калитку и, по-медвежьи протопав до избы, поднялся на крыльцо, толкнул дверь.

— Егор, что это за девица каждый день ошивается возле твоего дома, а? — игриво спросил он.

— Не знаю, — Егор отложил инструмент и очередную птицу, которую почти доделал. — Новая почтальонка, наверное.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! В кои-то веки почтальонки начали ходить сюда через всю Полянку! Обычно почту в первой избе оставляют.

— Не знаю, Слав, не знаю, — рассмеялся Егор.

— Ах ты, ё-ка-лэ-мэ-нэ, скрываешь ты что-то, друг-приятель.

— Послушай, — понизил голос Егор, словно кто-то их мог подслушать, кроме рыжего кота. — Я сам не знаю, что со мной... Жду эту пигалицу каждый день.

— Во-во! — обрадовался Славка. — А скоро пенсию должны принести. А? Не избежать знакомства.

— Да ладно, — смахнув стружку со стола, переменял тему Егор. — Скажи лучше, сможешь мне за ивняком съездить?

— Не вопрос. Машина у меня на ходу.

Славка работал таксистом. Машинешка была у него не абы какая, но все-таки кормила жену с дочкой и пенсионерку-мать.

Анюта совсем замкнулась. Перестала по выходным бегать в клуб на дискотеку, а все больше перечитывала подаренного Николаем Пушкина, особенно письмо Татьяны к Онегину. По ночам она долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, то и дело шлепала босыми ногами на кухню попить воды. Глаза у нее часто были на мокром месте.

— Ты что, доча, не заболела ли? — беспокоилась мать.

— Да нет, — тяжело вздыхала Анюта.

— Может, с работой не справляешься... Да-леко, небось, бегать до деревни. Брось, отдохай себе. Прокормимся.

— Что ты, мама, — вздрагивала Анюта. Она уже и дня себе не могла представить без Полянок.

Подошел день пенсии.

— Сегодня у тебя очень ответственный день. На моем участке не так много пенсионеров, и все-таки ты материально ответственная, будь повнимательней, — напутствовала начальница. — Вот здесь получаемый должен поставить число. А вот здесь расписаться. Поняла?

— Поняла, — шептала Аня.

— Да ты не дрожи, не бойся, — успокаивала взволнованную девушку добросердечная женщина. — Справишься.

И действительно, новоиспеченную почтальонку встречали радостно: старушки пытались напоить ее чаем, но она торопливо благодарила и бежала дальше. В деревне было четыре пожилых пенсионера — три старушки и один старик, который долго не хотел отпускать девушку, пытаясь угостить ее медом.

— Ешь, красавица. Свой мед, очень вкусный...

Аня едва вырвалась от радушного пчеловода.

В предпоследнем доме ее встретили стар да мал: пожилая женщина с девочкой лет пяти.

— А меня Полинкой зовут, — представилась девчушка, едва Аня переступила порог избы.

— А меня Аней, — улыбнулась девушка.

Из-за печки вышла женщина с литровой банкой молока.

— На-ка вот, попробуй. Козье молочко, очень полезное. Не беспокойся, оно у нас без запаха, — женщина не давала Ане вставить слово.

— Спасибо, — наконец поблагодарила она хлебосольную хозяйку. — Вот здесь распишитесь.

Банку с молоком ей все же пришлось забрать.

Оставался последний дом — пятнадцатый.

Накануне Егор попросил Славку растопить баню.

— Ты чего это? Не суббота... Ополоснись под душем.

— Попариться хочу.

— Ну, ё-ка-лэ-мэ-нэ! — все еще ни о чем не догадываясь, бурчал сосед. — Через два дня суббота, попаримся...

— Ладно, — отрезал Егор, — сам управлюсь.

— Да чего ты! Надо так надо.

Парни затопили баню на удивление Славкиным женщинам, помылись, попарились от души. Дома Егор, закрывшись на крючок, выта-

щил чистую белую рубашку, отутюжил ее. Выбрался до блеска. Достал из-за печки протезы, которые сделал своими руками, приладил их к обрубкам лодыжек, которые и так уже были покрыты сплошными мозолями, и, опираясь на костыли, морщась от боли, попытался пройти по комнате. Деревянные костыли и протезы немолимо стучали, терзая не только его ноги, но и нервы, но Егору удалось найти точку опоры и сделать несколько шагов. Вот уже несколько лет как он, закрываясь в избе, старался приспособиться к тяжелым деревяшкам. Поначалу даже стоять не мог. Но упорство взяло верх — обливаясь потом, Егор до крови терзал свои обрубки и наконец научился стоять. Дальше — больше. Стал учиться передвигаться. Когда же первый раз попытался шагнуть, рухнул во весь свой богатырский рост. Но, матерясь и скрипя зубами, встал и начал все снова. Свидетелем его страданий был только рыжий кот, который с сочувствием наблюдал за хозяином.

Славка догадывался, вернее однажды подглядел в окно, чем за запертыми дверями занимается его друг, но мешать соседу и ломиться в закрытую дверь не стал. «Когда научится ходить, сам позовет», — решил он.

— Слышь, Катерина, — зашептал ночью Славка на ухо жене.

— Чего тебе? Отстань, — уставшая супруга, навкальвав на заводе, уже засыпала.

— Да послушай ты. Егор наш, кажется, влюбился, — пропел он, переиначив известную песенку.

— Иди ты... — Катерина повернулась к мужу.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ, вот те крест, влюбился. В новую почтальонку. Видала, пигалица такая почту разносит?

— Не-а. Когда мне.

— Так вот, он и баньку-то, похоже, из-за нее попросил растопить, чтобы предстать в лучшем виде. Завтра пенсия. Значит, он должен будет впустить ее в дом...

— Как интересно-о-о, — зевая, протянула жена.

Славка же еще долго ворочался, переживая за друга.

Аня долго сидела на лавочке, собираясь с духом. Наконец она встала, толкнула калитку

и вошла во двор. Из сарая валяжно вышел старый рыжий знакомец. Кот, взглянув на девушку, начал неторопливо подниматься по ступенькам крыльца, словно приглашая гостью в дом. Анюта, испугавшись остаться совсем одна, поспешила за ним. Дверь была чуть приоткрыта, Анюта толкнула ее, попав в полутемные, освещенные только маленьким оконцем сени. Дальше нужно было преодолеть самое страшное — открыть дверь в избу. Котьяра юркнул в какой-то свой потайной лаз, и Анюта, переведя дыхание, схватилась за холодную ручку двери и от отчаянья что было силы дернула на себя. Отчего едва удержалась на ногах — дверь открывалась на удивление легко.

В комнате было светло и чисто. Под потолком кружились все те же волшебные птицы, вырезанные из дерева. Посередине комнаты за накрытым свежей скатертью столом сидел он. Анюта не то чтобы не сразу узнала Егора, но тогда к ним ворвался какой-то Робин Гуд в серой кольчуге с перекошенным от ненависти лицом, а сейчас за столом сидел белокурый юноша в летней рубашке и приветливо смотрел на девушку.

— Здравствуйте, — переведя дыхание, сказала Анюта, не зная, куда деть банку с козьим молоком.

— Ага, тетя Феня угостила, — вместо приветствия кивнул хозяин и улыбнулся обезоруживающей, почти детской улыбкой. — Проходи. Поставь пока банку на стол. Молоко вообще-то у них отменное. Я на нем, можно сказать, вырос. Видишь, совсем не худенький.

Анюта подошла к столу, села в плетеное кресло и начала сосредоточенно отсчитывать деньги.

— Вот, — едва слышно пролепетала она, поддвигая квиточек, — распишитесь.

Егор поставил дату, расписался где положено, отодвинул деньги в сторону и, заглядывая девушке в глаза, запросто спросил: — Устала, наверно, бегать через всю деревню? Чаю хочешь?

Он ловко разлил уже заранее приготовленный чай по чашечкам, откинул салфетку с плетеной вазы, где лежали конфеты, печенье, вафли — все, что нужно.

Анюта, отхлебывая чай маленькими глоточками, осторожно рассматривала комнату. Девушка отметила, что почти вся домашняя ут-

варь в доме сплетена из ивовых прутьев или вырезана из дерева: стол, стулья, абакжур...

— Ты сам все это?.. — неожиданно она перешла на «ты».

Егор помрачнел.

— Отец научил. Раньше мы вместе все делали. Он мне и машину выхлопотал, чтоб я ездил в лес за лозой. Да мало ли куда... А теперь вот одному приходится, — немного помолчав, продолжал он. — Да нет, не одному, друг Славка помогает, соседи...

— Погоди, — перебила его Анюта, — а где же отец?

— Умер он. В конце марта схоронили. Пил сильно. Валялся где попало. Простывал постоянно. А после того случая... — Егор поднял на девушку глаза, и она поняла, что он узнал ее. — В общем, заболел воспалением легких, да так и не выкарабкался.

Анюта сидела, боясь шелохнуться, не смея даже моргнуть, потому что слезы, подступившие к ее глазам, тотчас хлынули бы наружу.

— Ты пей чай, а то остынет.

Анюта сделала большой глоток и тут же пришла в себя — такого чая она еще не пробовала.

— А это со смородиновым листом и еще кой с какими травами, — наконец, улыбнулся.

— Меня Аней зовут, — представилась девушка, впервые вдруг не назвав себя по-детски Анютой.

— Анна, значит, — кивнул парень. — А я Егор. Прадед у меня был Егорий — на все руки мастер. Вот в честь его и назвали...

— А погиб он в первые дни войны? — поражаясь внезапно мелькнувшей догадке, воскликнула Аня.

— Ну да... А ты откуда знаешь? — изумился в свою очередь Егор.

— И ты похож как две капли воды на него?

— Ну да... Хочешь, фотки покажу?

— Не надо. Потом, — волновалась девушка, — я и так верю.

— Похож-то похож, — вздохнул Егор, — только ноги у него были целые.

Анюта сидела почти не дыша, боясь спугнуть откровение юноши.

— В общем, любили мы в детстве с пацанами играть на узкоколейке. Видела, наверно, там за деревней, — он махнул рукой в сторону дороги.

Аня едва кивнула, хотя ничего такого не заметила.

— Ну вот, раньше там ходили вагоны с углем, а у нас такая дикая игра была: проскочить перед самым носом надвигающегося состава. Ну, все проскочили, в том числе и Славка, а я чего-то замешкался, запнулся, упал и... В общем, отдало мне ступни.

Егор говорил медленно, осторожно, словно нес большую чашу своего горя и боялся расплескать ее.

— Мать еще жива была. Страшно голосила, как узнала. Один я у них. Повезли в город. Хорошо, добросовестный хирург попался. Сделал все, что можно. Могла бы гангрена образоваться. Но ничего, обошлось.

Егор отпил немного чая и продолжал:

— Раньше здесь в деревне была восьмилетняя школа. Так что я ее окончил. Даже без троек, — тут он невольно улыбнулся. — Ребята не дичились меня — все свои, да и знали, как все произошло. А мама вскоре умерла. Не выдержала она такого удара. Сердце у нее было слабое, материнское, одним словом.

Анюта неожиданно прикоснулась своей тонкой ладошкой к огромной Егоровой руке. Оба вздрогнули. Она видела, как тяжело вздымается грудь Егора, как хочется ему обнять ее. На секунду Анюта вспомнила Николая, который тогда в сарае неумело тыкался в ее губы. А ей было почти все равно. Сейчас же сердце ее больно колотилось, ей хотелось погладить светлые кудри, нестерпимо хотелось, чтобы Егор поцеловал ее. Голова девушки слегка кружилась, она не заметила, как оказалась у него на коленях, как желанные губы уже властно и нежно терзали ее, пересохшие от волнения. Влюбленные говорили глазами, губами, руками, не проронив ни слова. И так бы они тонули друг в друге, если бы с печки не прыгнул рыжий котяра, который, по всему видимому, был свидетелем их любви.

Анюта выскользнула из объятий Егора, посмотрела на часы и поняла, что опаздывает.

— Мне же на почту пора! Отчитаться! Все сдать! — с ужасом смотрела она на свою почтальонскую сумку.

— Успеем, — Егор в своих кожаных брюках ловко прыгнул с кресла, скрестил по-турецки

ноги и, отталкиваясь деревяшками для рук, направился к двери. — Поехали! Успеем!

Он быстро завел свою инвалидку, вырулил за ворота: — Садись!

Анюта, прижимая к груди сумку и банку с молоком, устроилась рядом. И машина рванула.

Через несколько минут девушка была уже в почтовом отделении.

Егор подждал ее в машине. Анюта вышла раскрасневшаяся, довольная тем, что вовремя все сдала — не подвела свою начальницу.

— Куда теперь? — с надеждой спросил Егор.

— Нет, — мотнула головой Аня, — мне домой нужно, к маме. А к тебе я приду на выходные.

«На выходные, — крутилось в голове у счастливого парня. — Не в выходные, сказала она, а на выходные».

Душа его пела. Хотелось жить, и не просто ходить по этой цветущей земле, а бегать и летать...

Добравшись до дома, он приладил к своим кульям громоздкие протезы и долго, сжав зубы, стоял посреди комнаты под крутящимися над головой птицами.

На пороге своей квартиры Анюта застала расстроенную мать. В комнате пахло валерьянкой.

— Ты чего так поздно? Просчиталась? Деньги потеряла? — не могла успокоиться бедная женщина.

— Мама, — тихо сказала Анюта, — я полюбила.

Не «влюбилась», не «втрескалась», а «полюбила», сказала она.

Помолчав, мать, чувствуя, что называет не то имя (ее сердце поняло, что дело не в соседском Кольке), и все-таки хватаясь как за спасительную соломинку, спросила:

— В Кольку, что ли?

— Нет, мама, не в Кольку.

Девушка села и все рассказала от начала до конца: о том, что произошло после ее дня рождения и по сегодняшней вечер.

Мать, понимая, что дочь не шутит и что они с ней однолюбы, не заплакала, не запричитала, а, закрыв обеими ладошками рот, ушла на кухню, где долго сидела, глядя в одну точку и качаясь, как от зубной боли.

— Мама, он хороший! — не выдержала Анюта.

— Но он же инвалид, как ты будешь... — мать снова закрыла рот ладонями.

— Никакой он не инвалид! — гневно крикнула Аня. — Ты знаешь, какой он сильный, а какой смелый! Он все сам делает, и даже помогает кому нужно... Он красивый, мама, самый лучший.

— У вас что, уже что-то было? — прошептала измученная мать.

Дочь замкнулась, отошла к окну.

— Нет. Мы только целовались. Но я очень люблю его, мама.

Немного придя в себя, женщина снова шепотом спросила:

— Как хоть зовут-то его?

— Что ты все шепчешь! — разозлилась Аня.

— Я же тебе сто раз повторила — Егор. Егором его зовут.

— Егором... — мать задумалась.

— И прадед у него Егор. Он погиб в сорок первом, — вкрадчиво намекнула дочь, надеясь, что мать сразу сообразит.

— Как это? — начиная о чем-то догадываться, посмотрела она на Аню.

— А вот так. Это прямой родственник Кольки и Ксени. А дядя Вася — родной брат его отца... — тут Аня запнулась.

— Которого вы угробили, — жестоко закончила мать.

— Мы пытались его спасти, — пряча глаза, неуверенно сопротивлялась Аня, понимая, что мать в чем-то права.

— Надо все соседям рассказать.

— Погоди, мама. Не сейчас.

— Эх, а я-то думала, породнимся мы с ними. Видать, не судьба.

— Мамочка, так мы и породнимся. У них же общий дед Егор.

— Ну да, ну да... — шептала потрясенная женщина. — Так вот почему ты так на почту рвалась.

Теперь Аня почти оставляла в первом доме, как и ее предшественница. А неделя тянулась и тянулась. Егор тосковал. Замирала от мысли о нем Аня.

Но выходные дни наконец наступили. Мать беспокойно следила за дочерью. Вспомнила себя молодой. Но познакомилась она со своим поэтом на танцах, и был он краше всех, и танцевал всех лучше. А эта, глупая... Ни на танцы сходить, ни в люди выйти.

— Не пушу! — вдруг вскрикнула она и упала перед дочерью на колени. — Что хочешь делай, не пушу! Беда-то какая!..

— Мамочка, — плача присела перед ней Аня, — ты хочешь сделать меня несчастной?

— Да он-то хоть любит тебя?

— Он? — девушка улыбнулась сквозь слезы. — Он любит меня, наверное, больше своих волшебных птиц и...

Она хотела сказать — и больше жизни, но мать уже поднималась с пола, отряхивая колени:

— Еще бы, такую, да не любить, — недобро проговорила она.

— Ты вот увидишь его и все сразу поймешь.

— Я? Увижу? Да никогда.

Обогнув мать, девушка выбежала из квартиры и тут же на лестничной площадке наткнулась на Николая.

— А я тебя жду, — заторопился он. — Пойдешь на дискотеку? Если не хочешь, то давай просто прогуляемся. Погода хорошая, — торопился Колька, боясь и чувствуя, что все его старания впустую.

— Эх, Колька, — сглатывая слезы, попыталась улыбнуться Аня. Она быстро сбежала по ступенькам и уже на первом этаже крикнула: — Скоро мы с тобой породнимся!

Хлопнула входная дверь, и Николай остался стоять в полном замешательстве.

Выехав за город, Аня пошла по знакомой деревенской улочке. Ноги ее сами несли, она то и дело тормозила себя, чтобы запомнить каждый кустик, каждое деревце — ведь здесь прошло детство Егора. Здесь все принадлежало ему. Она даже разглядела вдалеке ту злополучную узкоколейку...

Неожиданно солнце нырнуло за тучи и пошел дождь — крупный, хлесткий, холодный. Девушка тут же промокла насквозь. Ей пришлось снять туфли и месить мгновенно размокшую дорогу босыми ногами. Дрожа от холода, она успела подумать, что наверняка простудится, как впереди увидела знакомую машину. Егор мчался навстречу ей на всех парусах.

— Замерзла? — он накрыл ее плечи стареньким пиджаком, вероятно, отцовским. — Сейчас-сейчас, — яростно разворачивая машину, торопился Егор.

Через несколько минут они уже были дома.

Рыжий кот, изогнувшись, широко зевнул, приветствуя входящих.

— Раздевайся, вот тебе моя чистая рубашка, и забирайся на печку. Я как раз ее сегодня немножко протопил.

Анюта, стыдливо спрятавшись за перегородку, послушно разделась и полезла на печку.

— Вот, — ловко вскочив на приступочек, Егор протянул кружку молока. — Пей.

Молоко было чуть теплым. Видимо, стояло на окне и нагрелось от солнца. Анюта выпила всю кружку до дна, уткнулась в пуховую подушку и мгновенно уснула.

Проснулась она так же неожиданно, словно и не спала. Оглядела свою лежанку — чистая простыня, на которой она уснула, сбилась и мягкий белый козий мех, на котором она лежала, ласково щекотал ноги. Девушка выглянула из-за занавески, но в комнате никого не обнаружила. Она прислушалась — может быть, Егор сидит в своей маленькой комнатушке и мастерит очередную птицу счастья? Она осторожно спустилась с печки, заглянула во вторую комнату и замерла. Каких только поделок здесь не было: кувшины, хлебницы, вазы; игрушки — большие и маленькие... Все это завораживало, возвращало в детство. Налюбовавшись, Анюта вернулась в большую комнату и на цыпочках приблизилась к окну. Через тюлевую занавеску она увидела Егора. Он сидел на ступеньках крыльца и стирал в тазу свои кожаные брюки. Анюта залюбовалась красивым, накачанным телом, бугры мышц так и играли на солнце. На шее висел крестик, но не на цепочке, как у нее, а на суровой нитке. На низко натянутой веревке уже сохло ее платье, на поленице стояли чисто вымытые туфли. Анюта перешла к другому окну и тут же, покраснев, отступила. Через прозрачную тюлевую занавеску были видны калитка и лавочка, на которой девушка не раз отдыхала, думая, что ее никто не видит...

Так она стояла, изучая, а вернее впитывая сердцем его жилье, пока не услышала, что дверь в сенях открылась. Анюта метнулась на свою лежанку и замерла. Егор на коленях подошел к умывальнику, сполоснул лицо, прислушался. Анюта затаила дыхание. Сквозь щелочку в занавеске она видела, как Егор посмотрел в зеркало, пригладил непокорные

светлые кудри и посмотрел в ее сторону. Анюта внутренне сжалась, и Егор почувствовал, что она не спит, ждет... Он бесшумно забрался на печку, пытаясь унять волнение, тронул девушку за плечо, она тотчас повернулась и крепко обняла его за шею...

Они не заметили, как растаял день, как сумерки нежно и медленно начали заползать в избу. Ничто не могло помешать их счастью, даже кот куда-то деликатно исчез.

— Ну вот, — глухо сказал Егор, нарушая благодатную тишину, — теперь собирайся и уходи.

— Как это? — не поняла, высвобождаясь из его объятий, Аня.

Егор долго молчал.

— А зачем я тебе такой? Я и так буду помнить тебя всю жизнь. А большего мне и не надо. Я захлебнусь от такого счастья — не выживу. Ты ведь рано или поздно уйдешь устраивать свою жизнь. А я? Метаться буду, мучиться, сохнуть по тебе. Так что, пока не поздно...

— Поздно! — Аня закрыла Егору рот своей маленькой, но твердой ладошкой. — Дурачок, я люблю тебя. Единственный мой. Это я без тебя засохну. И никому я тебя не отдам, — она крепко прижалась к щеке Егора и вдруг почувствовала, что щека мокрая.

— Не плачь, малыш, — прошептала она, — теперь мы вместе.

— А я не малыш. А я и не плачу — это пот, — отвернулся Егор, насухо вытирая ладонями глаза.

— Знаешь, что я хочу тебе сказать...

— Что? — встрепенулся Егор.

— Только на ушко. Я очень-очень проголодалась.

— Сейчас, конечно, — он соскользнул с печки в темноту комнаты и через несколько минут при вспыхнувшем свете предстал перед своей любимой в слегка подрезанных джинсах и в такой же жилетке: — Иди сюда!

Девушка запахла рубашку, осторожно спустилась на пол и улыбнулась:

— Послушай, мне нужно надеть платье, оно, наверно, уже высохло.

— Не надо, — взмолился тот, — так очень здорово! Тебе идет...

Он стоял перед ней на коленях, и, когда она вплотную приблизилась к нему, они оказа-

лись почти одного роста. Егор осторожно взял ее на руки.

— Сумасшедший! — радовалась девушка.

— Вот что! Рубаха тебе, конечно, великовата. Но мы сделаем так, — он аккуратно закатал на девушке рукава, затем открыл платяной шкаф и выудил оттуда красный пояс. — Возьми, это от маминого платья...

Анюта подвязала рубаху, покрутилась перед зеркалом и, понравившись себе, кокетливо взглянула на Егора.

— Ну как?

— Бесподбно! А вот сейчас будем обедать, вернее ужинать.

Вскарабкавшись на большой табурет, Егор вытащил из печи глиняный горшок.

— Что это? — удивилась Аня, почувствовав головокружительный запах.

— Это... Сейчас узнаешь. Тащи тарелки. Там на кухне в шкафчике. Будем праздновать. Все утро готовил.

— А я-то думаю, откуда такой аромат!

Егор доставал из холодильника маринованные огурчики, помидоры, хлеб и прочее. Аня открыла крышечку горшка, залезла туда ложкой и попробовала...

— М-м, какая вкуснятина! Да ты еще и кулинар.

— Люблю иногда, — признался Егор, устраиваясь за столом в свое любимое кресло.

— Эх, грибочков бы еще к тушеному мясу с картошкой, — мечтала вслух проголодавшаяся Аня.

— Любишь грибы?

— А-ба-жаю.

— Я так и знал, — с этими словами он подлетел к духовке, осторожно прихваточками вытащил два сотейника.

— Что это?!

— Это? Грибной жульен.

— Ты что... — Анюта хотела сказать «волшебник», но тут ощутила на себе, как теряют дар речи.

— Понял, — кивнул ничего не понявший хозяин. — Я мигом, — он в два прыжка оказался у порога, дернул круглое кольцо и распахнул погреб. Внизу автоматически загорелся свет. Егор легко спустился по лесенке, и через минуту на свет божий явились две литровые банки с грибами.

— Это рыжики! Это грузди! Открываем и ту, и

другую, — по-хозяйски распорядился он.

— А это настоящий жульен? — наконец промолвила гостья.

— Ну да. А это настоящие рыжики и грузди, — открывая банки и раскладывая грибы по тарелочкам, улыбнулся Егор.

— Ты знаешь, я никогда в жизни не пробовала... — Аня не отрывала глаз от золотистой корочки.

— Понятно, — наконец догадался Егор. — Это очень просто: можно с курицей приготовить, можно с рыбой, можно с креветками, с сыром, да с чем угодно, главное, чтобы грибы были. А у меня в морозилке настоящие боровики... Так что приятного аппетита!

На столе появилась бутылка сливовой наливки.

— По чуть-чуть, — слегка смутился он. — Это тоже мое изобретение. Попробуй.

Разлив вино по маленьким рюмочкам, они неторопливо выпили.

— Ну, Егор! Ну, ты даешь! Это ты все сам?! — восхищалась Анюта, пробуя вожделенный грибной жульен.

— А кто же? Я с детства с удовольствием готовлю. Это у меня от мамы. И блины умею печь, и пироги...

Глаза его радостно горели. Он ничуть не смущался от того, что любит такое, казалось бы, не совсем мужское занятие.

— А я не умею, — вздохнула Аня.

— А я тебя научу.

Глаза у Анюты разбежались, ей хотелось попробовать и аппетитный рыжик, и белый кудрявый груздь, и хрустнуть пупырчатым огурчиком, не говоря уже о жарком и жульене...

— Мы как-то раз с Димой зашли в кафе, и он тоже заказал жульен, — вспомнила Аня и запнулась, наткнувшись на вопросительный взгляд Егора.

— Да нет. Ел он один. Я ничего даже не попробовала.

— Жаль, — перебил подругу Егор.

— Чего жаль?

— Жаль, что не попробовала. Было бы с чем сравнить.

Анюта даже слегка покраснела от такой двусмысленности, но сделала вид, что не поняла:

— Да нет. Он же Ксене нравится, а вовсе не мне.

— А тебе, наверно, Ксенин брат, — все больше мрачнел Егор.

— Ну что ты в самом деле! — рассердилась Анюта. — Колька, он и мне-то как брат. Послушай-ка, Егор, что я тебе скажу, — Аня вдруг оживилась, глаза ее таинственно засверкали. — Николай-то с Ксеньей родней тебе приходится, — торжественно сообщила она.

— Хм, как это? — недоверчиво буркнул Егор.

— А вот так! Прадед твой Егорий, на которого ты похож как две капли, такой же прадед и Коле с Ксюшей. А отец их Василий — родной брат твоего папы.

Тот внимательно посмотрел на девушку:

— А ты откуда знаешь?

— Знаю. Они много раз про своего легендарного прадеда рассказывали. И как он избы рубил, и как печи клал, и как сани мастерил, которые, кстати, у них в сарае до сих пор хранятся.

Умолчала Аня только о том, что именно на этих санях они и привезли замерзающего Егорова отца.

— М-да, — задумался Егор, — помню я дядю Васю, только смутно — мне годика четыре было. И тетю...

— Машу, — подсказала Аня.

— Да-да, тетя Маша. Приходили они к нам. Но все что-то отец с Василием ссорились. Мой-то по молодости буйный был: как выпьет — так в драку. И подрались однажды. Да так, что после этого случая к нам ни ногой. А там, видимо, Коля с Ксюшей народились — не до нас было. Так больше и не видел я их.

— Так увидишь!

— А что, они обо мне уже знают? — встрепетнулся Егор.

— Пока нет.

— Вот такие дела, дорогие соседи, — закончила свой рассказ, утирая слезы, Анютина мать.

— Н-да, — протянул Василий, поглядывая на жену. — Помер, значит, брат мой Петя, царство ему небесное.

— Да уж, — покачала головой Мария. — Выпить уж очень любил, земля ему пухом. И за парнем недоглядел...

— Помянуть брата необходимо, — понял по своему намек жены Василий и полез в холодильник.

Николай с Ксеньей сидели притихшие. Из всего услышанного их больше всего поразило то, что Анюта собралась связать свою судьбу с Егором.

— Вот так, мои дорогие, — снова горестно подытожила соседка, — думали мы породниться с вами, да, видать, не судьба.

Тут все невольно посмотрели на Колю. Тот сидел бледный, не притрагиваясь к ужину.

Молчание нарушила Ксения:

— Так ведь и породнимся, тетя Нин. Если Анюта выйдет замуж за Егора, — она запнулась, взглянув на брата, но смело продолжила: — так ведь Егор-то наш брат.

Ксения немного подумала:

— Двоюродный. Почти что родной.

— Ладно, — поднялся из-за стола Николай. — Спокойной ночи, — и ушел в свою проходную комнату.

Тетя Маша покачала головой:

— Нин, что делать-то будем?

— Ничего, — тяжело поднимаясь, вздохнула Анина мать. — Они вон сами все, что захотят, делают, нас не спрашивают.

Прежде чем пройти в свою комнатушку, Ксения присела на краешек Колиного дивана. Ей было жаль брата. Не зная, как его утешить, она погладила Николая по ноге.

— Коль, ты это, забей, а... Ну ее, а...

— Знаешь, Ксюша, — повернулся к сестре Николай, — а я ведь всю жизнь мечтал о брате. Теперь у меня есть брат, да еще старший.

— Чего это «у меня»? — подскочила возмущенная Ксения. — А у меня?!

— Ну, у нас! — поправился он. — Ладно, иди спать.

— Ишь ты, — ворчала, отправляясь в свою светелку, Ксения. — У него, видите ли, брат появился. Единоличник.

Когда дверь за сестрой захлопнулась с характерным щелчком, Коля отвернулся к стене и заплакал.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! — воскликнул, распахивая дверь, высокий худой парень. — А я-то думаю, чего это у моего холостого соседа платье на веревке развевается.

Глянув на Анюту, он тотчас все понял, оценил обстановку и приказал другу:

— Знакомь!

— Это Аня, — по-детски светло улыбнулся Егор. — А это мой друг Славка.

Аня приветливо кивнула, и Славка тотчас подскочил и поцеловал ей руку.

— Но-но! — нарочито сдвинув брови, осадил его Егор. — Сейчас вот жена явится...

— Явится, — вздохнул Славка. — А вы пируете и гостю не наливаете, а? — обратился он к Ане.

— Конечно-конечно, присаживайтесь.

— Вот так! — посмотрел Славка на друга, мол, слово женщины — закон.

— Егор, налей Славе рюмочку.

Славка кисло устался на Егорову наливку.

— Видите ли, милая Анечка... — начал он.

Но друг перебил его:

— Ладно, иди налей там себе. Сам знаешь, где стоит.

— Во-о-от! — радостно потирая руки, выскочил из-за стола Славка, — а то компот какой-то предлагают, — и он скрылся за занавеской в маленькой кухоньке.

Только он успел вернуться за стол, удовлетворенный и повеселевший, как в дверь постучали.

— Да-да, войдите! — театрально воскликнул он.

Дверь открылась, и на пороге появилась молодая симпатичная женщина.

— Здравствуйте, — увидев Аню, растерялась она. Было видно, что женщина настроена решительно, по-боевому.

— Привет, Кать. Проходи, знакомься, — разрядил обстановку Егор.

— Это Аня. А это вот Славка.

Женщина снова недобро блеснула глазами.

— А это моя обожаемая соседка Катерина, — продолжал Егор. — Есть еще одна прелестная особа — Полинка, но она, как я понимаю, уже спит.

— Спит, — успокаиваясь и разглядывая подружку соседа, кивнула женщина.

— Наливай! — радостно воскликнул Славка, и, когда Аня достала еще две рюмки, Кате ничего не оставалось, как поддержать компанию.

Отработав на почте два месяца, Анюта отдала все заработанные деньги матери.

— А себе?

— Да не надо, мам, у меня все есть.

Она пока не рассказывала, что стала первой помощницей Егора, который оказался хоро-

шим учителем. Теперь уже больше времени она находилась у своего возлюбленного. Егор был человеком хоть добрым и внимательным, но дисциплинированным. Весь день у него был расписан строго по часам. Утром он делал зарядку во дворе, где висела железная перекладина. Затем дома прилаживал к ногам свои громоздкие протезы, опирался на костыли и все еще с трудом передвигался по комнате, каждый раз увеличивая количество шагов. Он мог бы уже выходить на улицу, но чего-то боялся: то ли того, что кто-то посторонний увидит его старания, то ли того, что непривычные к мягкой земле протезы подведут...

Около часа Егор ходил по деревянному полу взад-вперед. Затем выбирался из дома и направлялся в огород, где у него был сооружен душ. Там он освежался, фыркая и охая под холодной водой, растирался вафельным полотенцем и летел на своей каталке в дом, где его ждала любимая работа. После обеда Егор перебирался в сарай и продолжал работать. Если дома он сочинял мелкие изделия — вазочки, корзины, хлебницы и прочее, то в сарае брался за более серьезную работу. Здесь стояли уже готовые два кресла, стул и табуретка, сейчас он решился на диван.

«Сплели же как-то с отцом», — думал Егор. Правда, мастерил в основном отец, Егорка только смотрел во все глаза да подавал прутья.

С приходом Ани кое-что изменилось. Изменилось главное — Егор перестал ощущать себя одиноким. Режим, конечно, стал помягче. Но главное дело не страдало.

Анюта кое-чему уже тоже научилась. Вдвоем было гораздо легче. Славка пытался помогать другу только в выходные дни, которых у него почти не было. Правда, за лозой они всегда ездили вдвоем. Но, зная пристрастие друга к выпивке, Егор не раз предупреждал, что под градусом за такое ответственное дело нечего браться. Славка отшучивался. Но однажды, когда он был совсем уж не в форме, Егор жестко сказал:

— Все. В таком виде ты мне не помощник, — и уехал в лес один.

Сейчас ему помогала Аня. Они нарезали нужное количество лозы и возвращались домой. Девушка уже знала, какие прутья срезать,

а какие не стоит. Дома Егор объяснял ей, что существует несколько видов плетения.

– Сплошной способ – самый простой. Им сплетены в основном наши корзинки. Есть ажурный, витой и спиральный. Я попытался сплести хоть по одной вещи каждого вида. Это очень трудоемко. Больше всего мне нравится спиральное плетение. Смотри, вот хлебница. Ну и повозился же я с ней...

– В общем, сплошной способ самый простой и быстрый? – усвоила Аня.

– Ну да.

– А я бы хотела и другие попробовать.

– Попробуешь. Вот поступишь в техноложку на народные промыслы...

– Как это? Ты все за меня решил?

– А ты разве против?

– Нет. Но я как-то не думала об этом.

– Анечка, мне нужна квалифицированная помощница, – любясь подружкой, подмигнул Егор.

– Только помощница? – хитро прищурилась Аня.

Егор смутился:

– Не только...

Иногда он отправлялся в город в небольшой художественный салон, куда сдавал свои удивительные поделки. Хозяин такую красоту брал с удовольствием, но выставлял покупателю с огромной наценкой. Поэтому Егор мечтал купить свой магазинчик или хотя бы взять угол в аренду в этом салоне. Но пока что это была только мечта. Крупные вещи – кресла, стулья, столы разнообразной формы – Егор осторожничал отдавать хозяину. Это были уникальные, авторские изделия, и ему нужна была лицензия.

Аня не то чтобы отделилась от своих друзей, но теперь она жила своей взрослой жизнью, и поэтому Николай при редких встречах напряженно здоровался с девушкой, а Ксения вопросительно смотрела, не зная, как начать разговор.

– Аня, ну расскажи, как ты там? – канючила она.

– Хорошо, – улыбалась подруга и принималась рассказывать о том, как они с Егором ездят в лес за грибами, за ягодами... Какой ивняк и в какое время нужно срезать...

– Да я не про это, – перебила однажды нетерпеливая Ксюша. – Как он вообще? Ну как у вас все случилось?

– Вот полюбишь – узнаешь, – рассмеялась Аня.

– А я уже реально влюбилась, – грустно отвечала Ксения.

Аня понимала, что подруга тоскует по Диме.

– Говорят, он вернулся со своей Мальты, – вздыхала Ксюша.

– Говорят или ты его видела? – уточнила Аня.

– Видела, – призналась та. – В клубе на дискотеке.

– И что?

– Ничего. Он меня не хочет замечать. Проходит мимо, словно и не знает.

– Ну, это он специально, чтобы ты пострадала. А на самом деле он тебя держит в поле зрения.

– Правда? – обрадовалась Ксения.

Аня вдохнула в подругу очередной запас надежды, и та, счастливая, улетела по своим девичьим делам.

Аня же теперь была вся в заботах. В ней вдруг проснулась настоящая хозяйка. Огород она обработала так, что все зацвело буйным цветом – цветы, зелень, огурцы, помидоры в парниках...

Соседка Катя только удивлялась:

– И кто тебя всему научил? Можно подумать, что ты выросла в деревне.

В ответ Аня только улыбалась. Рад был и Егор. Он боялся, что его подруге такая деревенская жизнь будет в тягость. Когда она приезжала от матери, стол у Егора был всегда накрыт. И все время он придумывал что-нибудь новенькое: то блинов напечет, то жареху из лисичек сварганит или холодненькую окрошку, или заправскую уху, но чаще всего готовил свежую телятину в горшочках. Мясом они со Славкой затаривались на рынке. Солений-варений в погребе у Егора хватало, да и свежие овощи поспевают. Так что Аня только качала головой, восхищаясь изобретательности своего заботливого друга.

– Егор очень внимательный, – подтверждала Катя. – Когда мать умерла, он стал полностью за хозяйку. Отец уйдет бывало дежурить в свою каптерку, а Егор так расстарается к его приходу – и борщ сготовит, и на второе что-нибудь вкусненькое. А тот... вечно пьяный вернется и ни к чему не притронется. Егорке обидно – нас покличет, чтоб добро не пропадало. Насмотрелся он на отца – водку ненавидит, не курит даже, сама видишь. Дурной пример отвратителен.

Радовалась Анюта, что обрела новую семью. Только маму жаль было.

Николай, чтобы заглушить в себе тоску, решил работать на заводе все три летних месяца. А Ксения, заработав себе на модную куртку, отдыхала и ждала дискотек.

— Слушай, — однажды сказал Егор, — может, ты познакомишь меня наконец с моими родственниками?

— С какими родственниками? — не сразу сообщила Анюта.

— С Николаем и Ксюшей.

— Да, конечно, как-нибудь, — не очень уверенно кивнула девушка.

— А что? — внимательно посмотрел на нее Егор.

— Да нет, ничего... Конечно, обязательно познакомлю.

Всю неделю девушка решала, с кем же первым начать разговор, и решила — с Николаем.

— Привет, — как можно веселее кивнула она, встретив его в подъезде.

— Привет, — Николай опустил глаза и хотел, как обычно, пройти без лишних разговоров.

— Послушай, Коль, — Аня замаялась, не зная, с чего начать. — Ты в эти выходные сильно занят?

— А что? — вскинул на нее грустные глаза сосед.

— Я хочу вас с Ксенией пригласить в гости к Егору. Вернее, он вас приглашает, — поправилась Аня.

— Да? — удивился Николай. — Не по случаю ли свадьбы? — не выдержал он и поддел бывшую подругу.

— Познакомиться хочет, — сделав вид, что не заметила колкости, улыбнулась Анюта.

— Не знаю, — неуверенно пожал плечами Коль. — Да и с Ксенькой надо посоветоваться.

— Ксения согласится, — зная подругу, обрадовалась Аня. — Ну так как? В эти выходные? Договорились!

— Можно, — снова неуверенно пожал плечами Николай. Ему, конечно, хотелось посмотреть, как живет его необыкновенный старший брат, которого полюбила его бывшая девушка.

В субботу они прежней неразлучной троицей отправились в деревню Полянки.

Николай заметно нервничал. И, когда сошли с троллейбуса, он для храбрости закурил. Девуш-

ки посмотрели на него, но замечания не сделали. Аня хотела сказать, что Егор не курит, но вовремя прикусила язык.

Егор волновался еще сильнее. Он уже с утра накрыл на стол, надел новые джинсы с жилеткой и медленно, опираясь на костыли, ходил по комнате взад и вперед. Наконец он каким-то шестым чувством ощутил приближение гостей. Решительно распахнув дверь, миновав сени, он впервые вышел на протезах на крыльцо. И все Егору с его богатырского роста показалось необычным: и невысокий сарай, и низко натянутая бельевая веревка, и даже маленькая поленница дров. Так, стоя на крыльце и удивляясь малорослости предметов, Егор встретил своих родственников.

— Ты — Николай! — протянул богатырь свою натруженную ладонь Коле. Тот смотрел на брата снизу вверх и растерянно молчал, только тряс крепкую трудовую руку.

Ксения тут же заверещала:

— Здравствуй, братик! У меня теперь два брата! — сияла она от радости, без стеснения разглядывая белокурого красавца.

— Проходите, — распахнула дверь Анюта, и гости, миновав сени, очутились в знакомой уже комнате.

— За стол! — пригласил Егор и первый прошагал к своему креслу.

Отставив в сторону костыли и смахнув со лба пот, он сдернул полотенце, которым были прикрыты угощения.

— Ух ты, пельмени! Обожаю! Магази́нские? — хватаясь за вилку, воскликнула Ксения.

— Отчего же магази́нские. Свои, попробуйте.

К пельменям были грузди с рыжиками, тушеные кабачки и даже красная икра.

— Обожаю красную икру! — снова воскликнула Ксения.

Егор подмигнул Николаю, мол, чего ты, налетай, и проткнул аппетитный пельмень.

Хитрая Ксения нахваливала кулинарные способности хозяина неспроста. Ей очень хотелось лишний раз заглянуть в глаза этому древнерусскому богатырю. Она невольно сравнивала его с Димой. Тот, конечно, был более находчив и раскован. Да и столичный налет придавал ему блеска. Но Егор тоже не походил ни на кого из ее знакомых. Он был взрослый,

опытный и, как определила Ксения, физически крепче Димы. И потом та забота, с которой он относился к Анюте, окончательно вывела Егора в глазах Ксении в лидеры.

«Только вот ноги, — вспомнила Анина подруга. — Далеко на костылях не убежишь», — и она опустила глаза.

— Послушай, Егор, — наконец освоился Коля, — неужели все эти кресла, кушетки, вазы и хлебницы ты сам сделал?

— Вначале с отцом трудились. Он хороший был мастер. Много секретов мне передал от своего деда... От нашего прадеда.

Глаза у Николая заблестели.

— Клево! Я бы тоже хотел...

— Реально могу научить. Хочешь?

— Хочу! — кивнул Николай.

— Тогда заметано, — Егор опять по-детски светло и радостно взглянул на Анюту.

С тех пор Николай с Ксенией начали навещать своего старшего брата. Особенно Николай. Ему все было интересно: и как вырезаются птицы, плетутся вазы... В общем, он с головой ушел в учение и даже раньше запланированного августа ушел с завода. Коля облазил весь двор, научился управлять Егоровой машиной. А по вечерам братья уезжали купаться на речку.

— А я? — ревниво спрашивала Аня.

— А мы голышом! — с мужским превосходством отвечал Николай.

Но когда вечером он отправлялся восвояси, Егор с Аней неслись на машине на берег прогретой почти до самого дна речки и принадлежали друг другу.

Вскоре брат с сестрой потихоньку начали готовить родителей к встрече с Егором. Перебивая друг друга, они взахлеб рассказывали о золотых руках Егора. О том, какие волшебные вещи он делает, в каком идеальном порядке у него и дом, и двор...

Мария удивленно качала головой, а Василий то и дело взволнованно восклицал: «Узнаю деда! Вылитый дед Егорий!»

Да и Анина мама, теперь почти все свободное время пропадая у соседей, со временем стала не столь категорична. Егор частенько подвозил Анюту до дома, и она, хоть парень

и сидел за рулем, все-таки успела его разглядеть. К тому же дочь приезжала повзрослевшая, загорелая и с полными сумками свежей зелени и овощей. Женщина не без скрытой гордости делилась урожаем с соседями. И родители уже были не против навестить Егора, но нужен был повод.

— А когда у него день рождения? Что-то я подзабыл? — спросил однажды находчивый Василий.

Оказалось, осенью, в конце сентября.

— Вот! Есть повод! — подытожил сообразительный сосед. — Тогда и соберемся честь по чести, поздравим нашего Егора. Все-таки, Мария, — обратился он к жене, — это наш племянник! И негоже родней раскидываться!

Василий отчего-то начинал нервничать. Вероятно, чувство вины перед покойным братом не давало ему покоя.

— Да ты чего кипятишься-то? — успокаивала его жена. — Никто и не спорит. Конечно, поедем.

С этими словами они вопросительно смотрели на Анину мать.

— Съездим, чего уж... — сдержанно соглашалась она.

Вернувшись из заграничных поездок, Дима не знал, куда себя деть. До начала занятий было еще далеко. Отец то и дело был в разъездах (мать изначально не решилась на такую длительную, а главное, непонятную ей поездку в тмутаракань), и Дима был полностью предоставлен себе. Его тянуло в подъезд к ребятам, особенно к Анюте, но после того, что произошло, было стыдно, неловко, да и гордость не позволяла. Чтобы хоть как-то забыться, он проводил время на дискотеках, где знакомился с девицами — с одной, с другой... Таскал их к себе домой. Но после того как у него пропала определенная сумма денег, стал осторожнее.

На дискотеке он действительно держал Ксюшу в поле зрения, как точно заметила Анюта. Но подходить к девушке не спешил. Причин было две: первая — он знал, что нравится Ксене, а она же интересовала его только исключительно как Анина подруга; второй причиной являлись все те же несчастные пятьсот рублей.

В конце концов, измученная ожиданием девушка сама сделала первый шаг. Набравшись храбрости, она подошла к Диме и пригласила его на танец. О чем-то говорить было невозможно, каждое слово нужно было буквально кричать на ухо. И Дима предложил пойти прогуляться. У Ксени все внутри замерло, она забыла обо всем на свете — о том, что Димке всегда нравилась Анюта, о том, что он закопал в снег человека, о том, что потом обокрал его. Наконец, забыла о том, что, возможно, он и не подошел бы к ней первым никогда.

Дима молчал. Ксения же торопливо, нервно и сбивчиво рассказывала про Аню, про Егора. Провожатый только усмехался — он верил и не верил. Не укладывалось у него в голове, что Анюта могла так всерьез полюбить этого безногого парня. Раздражало его и то, что он вновь и вновь испытывал стыд и страх перед этим инвалидом в коляске. Дима по-прежнему молчал, но ловил каждое Ксенино слово. И, в конце концов, перед ним стала вырисовываться картина, в подлинности которой он уже не сомневался.

— Ходит, говоришь? — наконец спросил он.

— Да, протезы сам сделал. Анюта говорит, ужасно тяжелые и неудобные. Но он упорный...

Дима снова замолчал. Так они, не проронив больше ни слова, дошли до ее дома.

Думая о чем-то своем, Дима вытащил дорогую сигарету, щелкнул диковинной зажигалкой и закурил, не глядя на девушку.

— Ну, пока, что ли? — расстроено спросила Ксения.

— А? — очнувшись от своих мыслей, посмотрел на нее Дима. — Да, пока. Увидимся.

И девушке ничего не оставалось, как развернуться и уйти.

Дмитрий медленно и бесцельно бродил по улице. Он не заметил, как вышел за город, как ноги его сами привели к деревне Полянки. Через какое-то время он оказался у крайнего дома, осторожно открыл калитку и подкрался к окну.

В комнате горел свет, под потолком кружились все те же птицы, за столом в плетеных креслах сидели трое — Егор, знакомый парень и... она. Он не сразу узнал Анюту. Девушка была в белой мужской рубашке, подпоясанной красным пояском, волосы ее, всегда рань-

ше забранные в строгий пучок, теперь были распущены и лежали светлыми волнами на плечах. Дима даже скрипнул своими белоснежными зубами — от зависти, от желания, от какой-то неминуемой безысходности.

Незнакомый парень был слегка навеселе. Дима затаился и стал внимательно прислушиваться к разговору. Вскоре он уже знал, что парня зовут Славкой, что работает он таксистом, живет в соседнем доме и иногда помогает в его деле.

— Ага! — подумал Дима, покосившись на сарай, — вот где твоя ахиллесова пята!

Так же неслышно он выбрался за калитку и быстро зашагал домой. Перед глазами стояла Анюта в белой рубашке с распущенными волосами.

Убедившись в том, что Ксения в своем сбивчивом рассказе ничего не прибавила, Дима жестоко затосковал. Он не мог понять, как это такая милая и умная Анюта, бесспорно прекрасная, но... из провинциальной дыры, предпочла его, его — суперобеспеченного умницу и красавца, какому-то... непонятно кому. Он уже привык, что девушки к нему относятся примерно так, как Ксения, — с придыханием. В глубине души у него теплилась надежда на то, что Анюта просто злит его, вызывает ревность. Желание увидеть девушку, которое он глушил разными способами, стало еще острее и невыносимее. Он дошел до того, что начал ее подкарауливать. На обратную дорогу от Егорова дома до Аниного подъезда он не рассчитывал, так как выследил, что Егор сам довозит Аню до подъезда. Оставался один способ, самый неудобный — сторожить, когда девушка направится в Полянки.

Околачиваться возле дома Диме не позволяла гордость. В любое время из подъезда могли выйти Николай с Ксеньей, да и их родители, которые так же, как и Анина мать, хорошо запомнили незваного гостя. Дима крутился несколько дней на автобусной остановке. Он потерял уже всякую надежду увидеть Анюту, как вдруг ему повезло. Он увидел ее издалека. От неожиданности Дима спрятался в толпе пассажиров, ожидающих автобус. Она вошла в первую дверцу, он — в последнюю. И, стараясь не выпускать из виду ее голубую кофточку,

Дима доехал до конечной остановки. Все пассажиры высыпали на воздух. Дима боялся, что кто-то еще направится в сторону Полянок. Но Аня одна торопливым шагом пошла в деревню. Дима видел, как стремится она к своему Егору, как торопится...

Дима побежал за ней и, поравнявшись, обнажил свои безупречные зубы:

– Привет!

– Привет...— девушка от неожиданности остановилась. — Ты откуда?

– С далеких морских берегов, — скрывая волнение, хвастливо ответил парень.

И Ане почудилось, как от его загара действительно повеяло морским ветром. Она была в полном замешательстве, и Димка тотчас воспользовался этим.

– А я тебе подарок привез. Смотри! — Он вытащил из кармана модных шорт жемчужное ожерелье. — Настоящее.

И не успела Аня опомниться, как прохладные жемчужинки легли на ее шею.

– Зачем это? Зачем это? — она попыталась снять драгоценность, но Дима крепко держал ее за руки.

– Аня!

– Я больше не Аня! Я Аня...

– Ну, Аня. Подожди, выслушай меня, — Дима начинал злиться и все сильнее сжимал Анины запястья.

– Больно же, отпусти! — девушка изо всей силы отдернула руки, сжимавшие нитку ожерелья, и жемчужинки посыпались с ее шеи.

Мгновенье они смотрели, как крупные матовые горошины тонут в густой придорожной траве.

В следующую минуту она побежала — до первого дома было уже совсем близко, но окончательно обозленный преследователь догнал ее и молча потащил в кусты.

– Пусти! — девушка пыталась вырваться, была разъяренного парня по лицу, по плечам, по груди, но тот только зло улыбался.

– Чем я хуже э-то-го без-но-го-го?! — приговаривал распаленный Дима, больно тиская девушку.

– Е-го-о-о-р! — неожиданно пронзительно закричала Аня.

– Заткнись! — Дима попытался запечатать

ладонью Анин рот, но та вцепилась зубами в его палец.

– Ах ты! — он с силой разодрал подол ее короткой юбки.

– Е-го-о-о-р!!! — что было мочи еще раз крикнула Аня.

И тут оба услышали рев мотора.

– Едет твоя лягушонка в инвайдной коробочке, — зализывая прокушенный палец, вышел из кустов Дима.

Егор ему был не страшен. С кем с кем, а уж с этим-то безногим он должен справиться.

Егор вылетел из машины, увидел разодранную юбку на плачущей Аняте и, стоя на коленях, глухо обратился к насильнику:

– Отойти от нее.

– А то что? — усмехнулся Дима, глядя на соперника сверху вниз.

– А то я тебя придушу!

– Ты?! Меня?! — с этими словами Дима нацелился пнуть Егора в подбородок.

Тот откачнулся и устоял. Новенький кроссовок только скользнул по скуле. И не успел никто опомниться, как Егор схватил противника за щиколотки и дернул на себя что было силы. А силы у него было много. Димка оказался на земле, а Егор уже сидел на нем и сжимал своими ручищами его шею. Тот на глазах багровел и начинал хрипеть, перебирая ногами.

– Отпусти, Егор! Задушишь, — взмолилась Аня.

Тот опомнился и слегка разжал руки.

– Лузер вонючий, — хрипел Дима, пытаясь выкарабкаться из-под Егора, но он крепко держал его своими коленями.

– А это тебе на память! — он размахнулся и сданул кулаком по сверкающим зубам.

Все трое услышали характерный хруст.

– А-а-а! С-сука! — взвыл Димка, зажимая ладонями окровавленный рот.

– На память, — повторил Егор, отползая от поверженного противника и дуя на костяшки пальцев.

– Пошли, — тяжело дыша, кивнул он Ане.

Удивительно, но криков никто в деревне не слышал. Старики были глуховатыми или пребывали в послеобеденной дреме, молодые, в том числе и Катерина со Славкой, были в городе на работе, так что Егор с Аней вернулись в дом поч-

ти незамеченными. Видела их только маленькая Полинка, игравшая с рыжим котом в огороде.

Вечером Славка, заскочив к другу, почувствовал неладное.

— Что это вы какие-то не такие? — спросил он, заглядывая в заплаканные Анины глаза.

— Какие не такие? — прекратил расспросы Егор. — Обыкновенные.

И друг понял, что разговор продолжать не стоит.

Славка работал в такси и использовал свою машину на полную катушку: забирал пассажира по вызову, но по пути обязательно прихватывал еще кого-нибудь. Вот и этот вечер начался для Славки удачно. Он отвез пассажира в центр и тут же прихватил молодого парня. Парень оказался словоохотлив, сказал, что тоже зарабатывает извозом, только в другом городе. Короче, разговорились они быстро. К тому же оказались тезками.

— Стас, — представился приятный пассажир.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! И я Стас! — обрадовался Славка. — А куда едем-то?

— Да хотел к тетке, у которой остановился, — признался новый знакомый, — а сейчас подумал, может, посидим в какой-нибудь кафешке, выпьем по сто грамм.

Славка от «ста грамм» возбужденно заерзал.

— А как же... Я за рулем. Да и денег у меня... — нерешительно бормотал он.

— Погоди, — перебил его Стас, — деньги у меня есть. Посидеть тоже есть где. Хотя я и не так давно в вашем городе, но присмотрел тут одно кафе — маленькое, уютное, там и водку подают, и закуску что надо, а бармен мой знакомый. Он хоть и азык, но реально хороший мужик.

Славка колебался. С одной стороны, дома опять жди скандала, с другой — на халяву выпить в компании с хорошим парнем, к тому же таким же водилой, да еще и тезкой... Последние аргументы перевесили.

— А! Была не была! Поехали! — и отключил свой сотовый.

Он лихо развернул машину, и уже через несколько минут два новоиспеченных дружка-таксиста были у дверей маленькой кафешки «12 стульев».

Увидев знакомого посетителя, бармен радо-

стно потер руки. Стас деловито подошел к нему, что-то шепнул на ухо. Арчил (так звали бармена) радостно закивал.

— Знакомься, это мой новый друг Слава, — представил он таксиста.

— Очень-очень рады. Очень рады.

В кафе, как всегда, было пусто. Арчил подал меню, и пока Славка водил пальцем сверху вниз, изучая ассортимент, новый знакомый снова отвел хозяина в сторонку.

— Слушай, принеси сразу закуску и горячее, только быстро. Потом две четушки водки. В одну налей воды. Ее поставишь возле меня. Понял? Смотри, не перепутай! Если нужно будет — повторишь. Вот тебе штука сверху. Все понял?

Арчил смотрел на знакомого, кивал, все хотел задать какой-то вопрос, да так пока и не решился.

— Ну вот сейчас погуляем по-нашему, — широко улыбнулся Стас.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! — воскликнул Славка. — А чего это у тебя спереди зуба нет?

— Да успел подраться... Слушай, я не знаю, как здесь, а у нас водилы пьют четушками, — уходя от больной темы, предложил он.

— Как это? — не понял Славка.

— Ну, берут хорошей закуски, ставят четушки вместо стаканов, чокаются и пьют. У вас разве не так?

— Н-не знаю, — неуверенно пожал плечами Славка, втягивая запах жаркого, которое уже подал бармен (он же по совместительству и официант). — Первый раз слышу. Ну, четушками так четушками. А что, это даже интересно.

Наконец стол был полон закусок и появилась долгожданная выпивка.

— Ну, — отвинтив уже открытую пробочку, нюхнув для верности, картинно поморщился Стас, — за знакомство!

— За встречу! — Славка обреченно и радостно вздохнул и не заставил себя ждать. — Эх, ядрена!.. — выпучив глаза и занюхивая водку хлебом, крикнул он.

— Ты ешь-ешь, — пододвинул ему тарелку с мясом тезка.

Сам он едва ковырял салат, без особого аппетита попробовал жульен, наблюдая за пьянеющим на глазах товарищем.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ, кто же это тебе зубы-то

выбил, а? Небось, на вокзале? Там полно всякого-якого...

— Ну да. На вокзале, где же еще! — усмехнулся Стас.

— Ты мне это, покажи — кто... Я за друга шею отверну.

— Наверно, повторить пора, а? — заглядывая в ослотившие Славкины глаза, спросил приятель.

— Пора! — тряхнул головой Славка.

— Арчил, повтори.

Тот повторил. Потом еще.

— Куда его теперь? — засуетился бармен.

— В кладовку. К утру проспится. Я на его тачке сгоняю в одно место. Часа через два, а то и раньше вернусь. Да. Бензину мне нужно.

— Где? — вытаращил глаза Арчил.

— Где-где, в Караганде, — передразнил его приятель.

— Димыч, ты же знаешь, что я безлошадный.

— Какой я тебе Димыч! — покосившись на спящего, прошипел Стас-Дима. — Принеси пустую тару.

— Ага-ага, сейчас...

Через минуту он притащил двухлитровую канистру.

— Иди!

— Куда? — испугался официант.

— Нацеди через шланг бензин из машины.

Еле затащив Славку в кладовую, Дима взял у Арчила канистру, проверил, плотно ли закрыта крышка, и, ни слова не сказав, сел в машину и нырнул в глухую ночь.

В машинах он знал толк — в Москве у него было целых две. И не такие доходяги, а новенькие иномарки. Вылетев за город к деревне Полянки, он выключил фары, спрятал машину в посадках, которые росли вдоль дороги, и бесшумно побежал к крайнему дому. Наконец он остановился, отдышался и посмотрел вокруг — нет ли кого. Все окна в доме были темны.

— Милуетесь, голубчики... — осторожно открыв калитку, он миновал двор, подошел к сараю, где лежали драгоценные запасы ивняка, открыл канистру и со всех сторон облил строение. Плеснул и на кучу ивняка. Порывшись в карманах, он достал зажигалку, чиркнул и обошел сарай со всех сторон. Пламя лизнуло его руку, и он, матерясь, замахал ею, выронив зажигалку: — Ах ты!

Огонь занялся тотчас, побежал ручейками по доскам, по сухим ивовым прутьям, а поджигатель уже несясь обратно, опять же скрываясь за посадками. Что-что, а бегал он отменно. На школьных соревнованиях всегда был первым. Вскочив в машину, не зажигая фар, он метнулся окружной дорогой в город. Дело было сделано.

«А это тебе от меня на память!» — усмехнулся Дима, въезжая в город.

Кафе было закрыто. Дима тихонько постучался с заднего хода.

— Спит? — спросил он Арчила.

— Дырыхнет. Слышишь, как храпит.

— Машину я оставлю у дверей. Когда проснется, отправишь его с миром. Про меня скажешь, что срочно уехал, дела, мол, и все такое.

Арчил выразительно смотрел на Диму.

— На, — тот отсчитал нужную сумму. — Все сделаешь как надо? — оскалился он шербатым ртом.

— Все-все... — закивал Арчил, так и не решившись спросить, от кого же его знакомец получил такую зуботычину.

Егор плохо спал в эту ночь, словно чувствовал, что должно что-то случиться. Аня как раз уехала к матери, и он один долго ворочался с боку на бок, пока не увидел, что предметы в комнате начинают принимать странные очертания. Он слез с печки, распахнул створки окна... Сухие доски сарая словно ожидали своего звездного часа — пламя росло и расцветало, стреляя в небо искрами, как салютом. Обезумевший Егор скатился с крыльца и замер. Что-то предпринимать было бесполезно. Он завороченно смотрел, как языки пламени поглощают его драгоценные изделия и заготовки, как ивовые прутья даже не сопротивляются, чернея на глазах. И превращаются в игрушечные черные прутики.

Прибежала Славкина мать тетка Феня. Заохла, засуетилась, хватая ведра...

За ней появились сонные Катя с Полинкой.

— Нельзя туда, нельзя! — прижимая к себе ребенка, побелевшими губами шептала Катерина.

— Мама, больно же, — вырывалась из ее цепких рук девочка.

Наконец тетка Феня набрала из бочки два ведра дождевой воды и побежала к догорающим уг-

лям. Угли невольно зашипели, но продолжали притягивать взгляд своим бордовым бархатом.

— Машину, слава богу, не задело! — шептала тетка Феня. — Эй, Егор, машина не пострадала...

Пожилая женщина бегала по двору, стараясь хоть как-то сгладить горе.

— И что это? И как?.. Неуж кто окуроч бросил? А? — она посмотрела на некурящего Егора.

— Наверно, подожгли, — простодушно сказала Полинка.

Взрослые именно об этом и думали, но не решились вслух высказать свое предположение.

— Может, гроза была? — хватаясь как за спасательную соломинку, опустила глаза тетка.

— Какая гроза, тетя Фень?! Какая гроза?! — вдруг закричал во весь голос Егор. — Знаю я, какая это гроза...

— Подожди, Егор, — попыталась успокоить его Катя. — Вот вернется Славка...

— А где он? Опять запил, что ли?..

— Да нет, — неуверенно ответила соседка и, словно ожидая подтверждения, посмотрела на дочку.

— Не-а, — охотно заверила та. — Он на работе.

Посмотреть на пожар собрались старики да старухи из соседних домов. Постояли, поохали. Кто-то предложил вызвать пожарную.

— Без надобности, — зло сплюнул Егор.

Под утро люди начали расходиться, и только Егор сидел на крыльце, не в силах отвести глаз от постепенно угасающих углей.

Анюта, Ксения и Николай собрались в Полянки рано утром. На этот раз им повезло: проезжавшая мимо «окушка» остановилась прямо перед ребятами. Седенький, но бойкий старичок спросил:

— Куда едем?

Аня улыбнулась:

— Мы — далеко, за город. В деревню Полянки.

— Садись, молодежь! — обрадовался старичок. — Я в ту же сторону, только еще подальше — в лес за грибами. — И он слегка пнул ногой корзинку.

Ребята колебались.

— Да садитесь же! — гостеприимно распахивая дверь своей малютки, пригласил необычный водитель.

— Как в сказке, — заметила Ксения, первой забираясь в машину.

За ней на заднее сиденье последовала Аня, и рядом со старичком устроился Николай.

— Ну и славно, — старичок зажег сцепление, и они тронулись.

Дед оказался до того словоохотлив, что, пока они ехали, рассказал и о своей супруге, и о детях, и о внуках-правнуках. Но главное сносшибательное сообщение оставил напоследок. Когда они въехали в деревню, дед приосанился, крикнул, прочистил горло и важно поведал:

— Супруге-то моей восемьдесят два года.

— У-у, — прогудели пассажиры.

— А мне, ребята... — он сделал паузу для лучшего эффекта, — девяносто три скоро стукнет.

— Да ну-у! — ребята недоверчиво посмотрели на старичка.

— Вот те крест, — кивнул он Николаю и оставил машину.

— Здорово! Потрясающе! Вот это да! — у девушек больше не находилось слов.

Николай улыбнулся долгожителю:

— Сколько с нас?

На что оригинальный дед замотал головой:

— Денег не беру! У меня принцип. Подвожу только хороших людей за добрую беседу.

— Ну, спасибо, — Николай неуверенно засунул деньги обратно в карман. — Тогда удачи вам и здоровья!

— Да-да, — закивали, выбираясь из машины, девушки, — вам и вашей супруге, и детям...

— Сказка, — снова повторила Ксения, и все посмотрели вслед отъезжающей светло-голубой машине.

— Нам бы так, — вслух подумала Ксения.

— Это гены, ну и здоровый образ жизни, — вздохнул Николай, поглядывая на Анюту.

Девушка молчала, тревожно вглядываясь в сторону Егорова дома. Наконец и остальные почувствовали характерный запах гари и прибавили шаг.

Распахнув калитку, все трое уставились на пепелище. Егора на крыльце уже не было. Аня бросилась в дом.

— Что это? — испуганно спросила Ксения.

Брат молча подошел к месту пожара и вдруг увидел в куче угля что-то блестящее.

— Зажигалка! — крикнул он. — Это же Димкина зажигалка!

— Я так и думал, — стуча костылями, вышел на крыльцо Егор.

— Надо в милицию... Это же вещдок, — возбужденно выкрикивал Николай, гордясь тем, что он первый вычислил поджигателя.

— Не надо ни в какую милицию. Это он со мной за зубы поквитался...

Егор хотел добавить и про Аню, но, взглянув на убитую горем подругу, промолчал.

— Да и нет его в городе, я уверен. Смылся этой же ночью.

Славка приехал только к вечеру. Опухший, воняющий перегаром, он едва вкатил машину во двор. Пошатываясь, вошел в избу и, не желая ничего слушать, выпив стакан рассола, как был в верхней одежде, так и бухнулся на диван.

Катерине с Полинкой пришлось раздевать своего непутевого кормильца.

— Алкаш несчастный, — стаскивая с мужа брюки, ворчала Катя. — Наверно, все деньги пропил.

— Наверно, — по-взрослому вздыхала девочка.

Но, как оказалось, деньги у непросохшего от обильной выпивки хозяина были целы.

— Хм, — пожалала плечами Катерина, — это кто же его так угостил?

Егор, оставив костыли, сидел на крыльце и рассматривал шикарную импортную зажигалку.

— Да-а, — протянул он. — Такая, видать, и в огне не горит, и в воде не тонет.

Николай хотел возразить, что в воде-то как раз утонет, но деликатно промолчал. Они с Ксеньей загружали на старые носилки остатки от пожара и выносили за забор к речке. Аня готовила обед.

— Хватит вам надрываться! Вот приедет Славка — мигом все уберем.

— А он уже приехал, — открывая калитку, сообщила Катя.

— И что? — посмотрел внимательно на соседку Егор. — Опять пьяный?

— Не то слово. Похоже, целое ведро выпил. Каким только чудом машину довел...

— И денег, конечно, ни копейки, — собираясь подняться в избу и сколько-нибудь одолжить соседке, грустно подвел итог Егор.

— Да нет. Сиди. Денежки как раз целехоньки.

— Интересно, кто же это так расщедрился?

— Я знаю кто, — уверенно сказал Николай.

— И я, кажется, тоже догадываюсь, — опустив голову, едва слышно произнесла Ксения.

Катерина переводила взгляд с брата на сестру. Наконец она обратилась к Егору:

— А я почему не знаю?

— Вот очухается твой Славка, тогда и узнаем все.

И тут за забором соседского дома послышался Славкин голос.

— Чумачеч-чая весна, чумачеч-чая, — орал он, направляясь к Егору с банкой рассола.

— Чумачеч-чая весна. Чума... — недопел он припев модной дурацкой песенки и усталился из-за забора на место, где стоял сарай.

— Чего это? — перевел он еще не совсем трезвый взгляд на Егора.

Друг молча крутил меж пальцев зажигалку.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! Это же зажигалка Стаса!

— Какого Стаса? — спросила Аня, появляясь на крыльце.

Отлебнув рассола, Славка рассказал про классного тезку-таксиста, с которым они неслабо посидели в одной кафешке.

— «12 стульев», — снова подала голос Аня.

— Ну да... А чего это здесь произошло? — трезвея, заозирался сосед.

— Подождли нас, не видишь, что ли...

— Кто?!

— Дружок твой щедрый — Стас, а вернее, Димка-невидимка, — сказал Николай, отставляя к забору грабли.

— Какой Димка?

— Беззубый, — усмехнулся Егор.

— Ну да! Точно! Зуба у него впереди не было. Кто-то на вокзале вышиб.

— Это я вышиб, — спокойно объяснил Егор.

— И ни на каком не на вокзале, а у нас в посадках, — вдруг выдала незаметно появившаяся Полинка.

Все вопросительно уставились на нее.

— А я все слышала. И как Аня дядю Егора звала на помощь, и как он помчался туда...

— Развели тебя как лоха. За бутылку мать родную готов продать, — уничтожающе посмотрел на друга Егор и, поднявшись со ступенек, скрылся за дверью.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! — с ужасом выдохнул протрезвевший Славка.

Сосед какое-то время не появлялся.

— Работает день и ночь, — сообщила тетка Феня, которая целыми днями копалась в огороде.

А через две недели Славка подкатил на грузовой машине к дому друга, по-хозяйски отворил ворота, въехал во двор и вместе с шофером, крепким мужиком лет сорока пяти, начал выгружать отличные, пахнущие смолой доски.

— Эй, ты чего? — высунулся из окна Егор.

— Не видишь, что ли? Доски под сарай выгружаю.

— Давай назад! Не нужны мне твои доски! — вскипел Егор.

Шофер остановился в нерешительности.

— Давай-давай, выгружай! — приказал Славка.

— Ишь, расхозяйничался! Где деньги-то взял? — немного остывая, спросил Егор.

— Кредит выписал. Ничего — отработаю. Я виноват. Я все и исправлю.

— Ага, до первой бутылки, — не сдавался друг.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! Да не пью я! Завязал! Вот уже две недели как ни капли...

— Ни капли! — вступилась за отца выросшая словно из-под земли Полинка.

— Ничего, — приговаривал Славка, — поставим новый, получше прежнего, с верандой.

— Ай, фиг с тобой! — сдался, махнув рукой, Егор и скрылся за шторкой.

— Ну вот то-то, — усмехнулся сосед, подмигивая водителю. — Давай поторапливайся. Еще две ходки надо сделать.

Славка сдержал слово.

Привез бригаду строителей, и дней через десять во дворе Егора выросло новое, краше самой избы, сооружение, которое и сараем-то назвать язык не поворачивался.

— Ну вот, принимай работу!

Егор, опираясь на костыли, спустился с крыльца. Он уже мог обойти всю свою территорию, выйти на задворки и даже дойти до соседнего дома.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! Да ты скоро бегать будешь! — подлизывался к нему сосед.

— Ладно, прощаю, — улыбнулся Егор. — Только уговор: кредит будем выплачивать наполовину.

— Как скажешь, — покорно кивнул Славка.

В начале учебного года класс, где занимались Анюта, Николай и Ксения, заметно поредел. Часть ребят оставила учебу из-за материальных трудностей, кое-кто решил, что и десяти классов достаточно. Поэтому отсутствия новичка Димы, который, кстати, так и не прижился в новом коллективе, почти никто и не заметил. Только Николай с Анютой многозначительно переглянулись да Ксения грустно смотрела на пустое место, где раньше сидел Дима. Она так и не смогла забыть этого непонятного парня: не на шутку тосковала, то и дело порывалась писать письма, но, не зная адреса, рвала их на мелкие клочки, а дома ревела в подушку.

Николай за лето перерос сестру. Теперь он говорил баском, то и дело пощипывая прорезавшиеся усики.

— В армию пойду. А там видно будет, — предупредил он вопросительные взгляды о будущем.

Парень ходил в спортзал — качался, играл в баскетбол, в теннис... Остальное же время пропадал у Егора, помогая по хозяйству и во всем стараясь походить на своего старшего брата. К Анюте он пытался относиться как к сестре. Но иногда грустный взгляд его, брошенный в сторону девушки, выдавал, что это ему дается с трудом.

Аня тоже изменилась — из тихой, незаметной девочки она превратилась в настоящую русскую красавицу и то и дело ловила на себе влюбленные взгляды одноклассников. Но Егор занимал все ее сердце без остатка. Мать, чувствуя, что доча ее действительно счастлива и что отношения у них с Егором более чем серьезные, больше не причитала, не отговаривала Анюту, только иногда печально вздыхала, глядя на повзрослевшую дочь.

В конце сентября, в разгар бабьего лета, после окончания уроков к Николаю неожиданно подошел незнакомый парень и передал записку. Записка была короткой «Жду в 15...» и адрес, подпись — «Дима». Перекинув школьный рюкзак с одного плеча на другое, Николай невольно нашел взглядом сестру, которая шла далеко впереди. Они уже давно не ходили дружной троицей, как в детстве. Теперь каждый жил своей внутренней жизнью, у каждого были свои дела и проблемы.

Николай посмотрел на часы — пятнадцать минут третьего. Он стоял в замешательстве: «Идти — не идти? Зачем? А если не приду, подумает, что струсил...» Впервые Николаю нужно было принять самостоятельное и верное решение. И он пошел, настраивая себя как можно жестче, припоминая все подлые Димкины выходки. От школы до дома, где жил его недруг, было недалеко, тем более если срезать дорогу и пройти через парк, что Николай и сделал.

Парк был полон народу, словно стоял не будний день, а долгожданный праздник. Листья желтые, красные, зеленые, не успевшие поседеть, мягким ковром лежали под ногами. Николай задрал голову вверх и замер. Деревья, словно выйдя на свой последний бал, сверкали бордовыми коронами, напоминая, что в их королевство действительно пришел настоящий праздник. Николай остановился и невольно улыбнулся, наблюдая за молодыми мамашами, которые везли в своих колясках недавно народившуюся жизнь. Боевой запал исчез, и ему уже не хотелось ни к какому Димке, ни на какие разборки... Хотелось идти и идти по этому великолепному ковру из листьев. «Я Вас любил. Любовь еще быть может...» — думал он пушкинскими строками. Но деревьев становилось все меньше, а проплешины на ковре все больше. Наконец детский гомон остался где-то далеко за спиной, и Николай понял, что парк кончился, а впереди замаячил Димкин дом, к которому «званный» гость подходил уже без особого боевого настроения.

Дом был элитный, с домофоном, перед которым Николай замер, не зная, на какую кнопку нажать. Но замок изнутри неожиданно шелкнул и тяжелая железная дверь медленно приоткрылась. Из нее выглянул Дима. Николай отметил, что он изменился: был коротко подстрижен почти под ноль, передний вставной зуб хоть совсем уж и не отличался от остальных, но прежняя самодовольная улыбка исчезла. Казалось, кто-то перерисовал его лицо. Да и одет он был в обычную спортивную одежду, которую носит каждый второй их ровесник.

— Привет, — первым кивнул Николай, — за чем звал?

— Проходи, поговорить надо, — торопливо и, как показалось гостю, немного заискивающе

пригласил Дима. — Я невысоко живу: на втором этаже.

Они поднялись, Николай остановился у приоткрытой двери:

— Говори здесь. Я не пойду в твою квартиру.

— Да прекрати ты! Что мы на лестничной клетке будем стоять...

— А что такого? Мы вот стоим на своей лестничной клетке, — перебил его Коля. — Иногда даже сидим. — Он вдруг снова начал наливать ненавистью, узнавая в этом новом Диме того, прежнего — с наглой ухмылкой и любимым словом «лузер».

— Ну хоть в прихожую зайди, — Дима гостеприимно распахнул дверь.

Николай какое-то время колебался, но, в конце концов, перешагнул порог квартиры.

Прихожая была светлая, чистая, большая, хорошо и удобно обставленная. Дверь за спиной Николая захлопнулась.

— Все! Дальше я не пойду, — и, съехав спиной по мягкой обивке, он сел на пол, по-турецки скрестив ноги, тем самым подтверждая, что с этого места он не сдвинется.

— Ну, хорошо, — усмехнулся Дима, — будем сидеть здесь. Я сейчас.

Он на минуту скрылся и появился с большим подносом, на котором стояла початая бутылка дорогого коньяка, сыр, дольки лимона, оливки, бутерброды с красной икрой, кружочки колбасы... Хозяин аккуратно поставил все это великолепие на пол и, несмотря на то что в прихожей стояли удобные кресла, демократично сел напротив гостя.

— Послушай, — все больше распалялся попавший в дорогую ловушку Николай, — тебе чего от меня надо, а?! Если ты испугался за сожженный сарай, то не ссы, Егор ни в какую милицию-полицию не заявлял. Можешь спать спокойно.

— Да я знаю, — как-то вяло отмахнулся Дима. — Давай за старую дружбу. — И он начал разливать коньяк по мельхиоровым рюмкам.

— Что-о? — не выдержал Николай. — За какую дружбу?! Дружи со своими... — он не мог подобрать слова.

— С какими своими? — глаза Димы зло сверкнули.

— У кого папаши такие же вот хозяева жизни, — наконец нашелся Николай.

— Мой отец погиб в Чечне, — тихо сказал Дима и одним глотком осушил рюмку. — А мать на моих глазах убили по пьянке, когда я еще в школу не ходил. А этот, как ты выразился, папаша взял меня из дома-интерната для детей-сирот. — Дима помолчал. — Жена у него стерва. А он мужик вроде ничего, прикипел ко мне. Да и я к нему привязался. Правда, раза два сбегал от них. А потом ничего, учиться понравилось. Способный я, — он усмехнулся, но как-то по-другому, как бы стесняясь.

Николай молчал, глядя на богато обставленный поднос. Ему не очень верилось в то, что говорит Димка. Казалось, коварный Димон затевает очередную подлость, вот и плетет невесть что.

— И никакой я не Димон. Митька я. А в детстве меня дразнили — Митька-титька. Вот!

Он по очереди сдернул носки, и Николай увидел большие детские каракули, старательно выколотые над пальцами ног: «МИТЬКА — ТИТКА» (титька было без мягкого знака).

— Что это? — не поверил своим глазам Николай.

— Родился я чуть севернее этого города. В таком же захолустье.

Тут Дима виновато кашлянул.

— Еще похуже вашего: в районном городишке, где все друг друга знают. Жили в коммуналке с четырьмя соседями. Мать поначалу не верила, что отец погиб. Все ждала. Потом начали к ней приходиться утешители-доброхоты, и все с бухлом. Лет с четырех я у соседей обретался. Потом меня в компанию взяли, которая ларьки чистила да на рынке промышляла. Научился неслышно по карманам лазить, что где плохо лежит не упускал... К тому времени мать уже не работала. Вот таким образом я ее кормил.

— Ну а дальше?

— А дальше явился один алкаш. Она с ним расписалась. А он не только пил, но и бил. И однажды забил ее до смерти...

Дмитрий снова наполнил свою рюмку. У Николая она была полной. На этот раз выпили оба, не чокаясь и не глядя друг на друга.

— Ты ешь, не стесняйся. А то пойдем на кухню — там у меня курица в духовке.

Николай сглотнул слюну, но упрямо замотал

головой. Только осторожно взял бутерброд с икрой и запихнул его целиком в рот, чтобы не пропало ни одной икринки.

— Ну вот, определили меня в интернат. А тут мода пошла на приемных детей. Приехали мои нынешние и, как увидели меня, сразу сказали: «Вот этого забираем». Особенно отец нынешний настаивал. Их даже пытались отговаривать: клептоман, говорили. Тащит все, что под руку попадет. Наследственность, мол, плохая, и так далее... Но отец мой новый уперся. Этого, говорит, берем, и все тут. А я кудрявый был, улыбочивый, юркий как угорь и смекалистый. Учиться начал на одни пятерки.

— Ну? — пробуя оливки, торопил Николай.

— Сейчас, — Дима поднялся, скрылся в глубине квартиры, потом вернулся с двумя фотографиями. На одной молодой парень в военной форме.

— Это отец, — пояснил он. — А вот это я с мамой.

На фото стоял маленький Дима — Митька-титька со своими белоснежными зубами. За руку его держала молодая красивая женщина с большими карими глазами и точно с такой же ослепительной улыбкой.

— Вот так вот, друг, — вздохнул Дима, бережно забирая фотографии. Потрясенный Николай на этот раз на слово «друг» не возмутился.

— Да-а, — снова погрузился в прошлое соседник. — Этому убийце одиннадцать лет дали. Как раз должен где-то в конце сентября выйти, — недобро блеснул глазами Дмитрий. — Чалился от звонка до звонка.

Повисла тяжелая пауза. И, когда хлопнула соседская дверь, оба вздрогнули.

— Куда теперь, в Москву? — нарушил молчание Николай.

— Да... Только вначале на родину съезжу, к матери на могилу.

— Зачем? — почуяв недоброе, воскликнул Николай.

— Как зачем? — опять усмехнулся Дмитрий. — Я же сказал: к матери на могилу.

Он тяжело поднялся, отодвинул поднос с закусками, унес фотографии и вернулся с небольшим пакетом.

— А это вот передай Егору.

Николай, увидев пачки денег в прозрачном пакетице, непроизвольно отдернул руки.

— Бери-бери. Это не ворованные. За сарай-то я ему как-никак должен.

— Не возьмет он, — покачал головой Николай.

— Ну, не возьмет, сам распорядишься. Да, вот еще, — он вытащил из кармана маленький серебристый мобильник. — Вот тут мой номер. Если что — звони. И передай Егору, пусть он сходит к ортопеду, посоветуется насчет настоящих протезов: точно узнает свои размеры и так далее. Так что будет он бегать быстрее нас с тобой.

У Николая вдруг закружилась голова, то ли от коньяка, то ли от всего того, что рассказал ему этот парень, про которого они ничего, в сущности, не знали. Он не без труда поднялся, разминая затекшие ноги, спрятал телефон в задний карман джинсов, неуверенно взял пакет с деньгами и засунул в рюкзак между школьными учебниками.

Нужно было прощаться, а они все неловко топтались у порога, понимая, что не сказали друг другу еще что-то важное.

— Ну, как они? — наконец, кашлянув, отважился Дмитрий. Он понимал, что сейчас они с Николаем в одинаковом положении.

— Нормально, — пожимая плечами, отвел глаза гость. — Егор же на все руки мастер, весь в

нашего деда: и столяр, и плотник... Дед-то у нас общий оказался, — не смог сдержать детского ликования Николай. — Так что Егор мне старшим братом приходится. Двоюродным. В общем, все может. Вплоть до того, что классно готовит. Анята, например, никогда не пробовала такое блюдо... Жюльен называется. Всю жизнь мечтала. А Егор — пожалуйста, и грибной у него на столе, и рыбный, и с сыром...

— Погоди-погоди, — вдруг оборвал его изменившийся в лице Дмитрий. — Как жюльен не пробовала?! Как не пробовала!!! — он ударил кулаком в дверь так, что Николай отскочил к стенке.

— Ты что?!

Дмитрий тяжело вздохнул, опустил голову и тихо сказал:

— Вызывай такси. Езжай прямо к Егору — не мотайся по городу с деньгами...

На улице, дожидаясь машину, Николай подумал: «Хорошо бы приехал Славка».

Но за рулем оказался хмурый небритый тип. Услышав адрес, он, хмыкнув, покосился на пассажира и назвал сумму в надежде, что тот выскочит из машины как ошпаренный.

— Поехали-поехали, — поторопил Николай.

□

Елена Станиславовна НАУМОВА

родилась в Кировской области.

Окончила Литературный институт им. Горького.

Стихи и рассказы публиковались в журналах и газетах

«Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Север»,

«Литературная газета» и «Литературная Россия».

Автор пяти поэтических сборников и двух книг прозы.

Лауреат российских и международных литературных конкурсов.

Член Союза писателей России.

Живет в г. Кирове (Вятка).

